

АНДРЕЙ
ТРОИЦКИЙ

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
ШПИОНА

КНИГА ПЕРВАЯ

Андрей Троицкий

**Личная жизнь
шпиона. Книга первая**

«Андрей Троицкий»

2023

Троицкий А. Б.

Личная жизнь шпиона. Книга первая / А. Б. Троицкий —
«Андрей Троицкий», 2023

Начало 80-х годов. Советский разведчик Алексей Разин работает в Нью-Йорке под прикрытием хозяина антикварного магазина. Ювелирные ценности поступают из России, выручка от продажи уходит на выполнение совершенно секретных операций. Накануне Нового года Разин пытался провести большую сделку с покупателями, которые прежде щедро платили за товар. Но на этот раз все закончилось стрельбой, Разин был ранен и чудом ушел живым. Придя в себя, он узнал, что в Москве при невыясненных обстоятельствах была убита его жена Татьяна, переводчица научного издательства. У милиции, которая занимается расследованием, пока нет серьезных зацепок. Разина отзывают в Москву. Перед отъездом он встретился с неким Стивеном Платтом, который уже много лет выполняет аналогичное задание. Платт собрал доказательства того, что значительная часть денег от продажи антиквариата уходит не на оперативные нужды. На сделках обогащаются несколько высокопоставленных сотрудников разведки. Платт хочет покончить с этими, Разин соглашается помочь, передать документы людям, которые займутся расследованием злоупотреблений. Однако в Москве он сталкивается с враждебной стеной подозрительности, за каждым шагом следят, ему устраивают подставы и провокации. Расследование убийства Татьяны останавливается. Кажется, что Разин попал западню, из которой нет выхода. На этот раз ему помогает случай и очаровательная женщина. Разину предстоит пройти трудный и опасный путь, чтобы узнать правду, разобраться в самом себе и попытаться найти убийц жены.

© Троицкий А. Б., 2023
© Андрей Троицкий, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Троицкий

Личная жизнь шпиона

Книга первая

Глава 1

Торговец антиквариатом, ювелирными изделиями и русскими иконами Алексей Разин получил по почте приглашение на ланч в ресторане «Лунный ковбой» от человека, с которым лично не был знаком. В конверте, кроме самого приглашения, написанного витиевато, была визитная карточка Майкла Робинсона, «коллекционера раритетов» из Бостона и номера его телефонов. Разин не любил сюрпризы, но, поразмыслив, решил не отказываться. Душу грела надежда, что Робинсон окажется состоятельным человеком, который захочет вложить большую сумму наличных в нечто нетленное.

На своем «форде» Разин приехал на полчаса раньше назначенного времени к месту, где разместился «Лунный ковбой», чтобы немного осмотреться. Было около полудня, погода прохладная, мелкий дождик сеется на пустые тротуары и голые деревья. Вокруг доходные дома или частные коттеджи, пара магазинчиков. Прохожих не видно, может быть, из-за дождя, а может, здесь всегда так.

Он остановил машину на противоположной стороне, наискосок от пивной. Это была одноэтажная приземистая постройка из темного кирпича с двустворчатой дверью, над которой были нарисованы два кактуса в желтой пустыне, над кактусами – техасская пятиконечная звезда. Выше располагались окна, продолговатые и узкие, как бойницы старинных укреплений. Слева от постройки находилась небольшая стоянка для клиентов, обнесенная стальной сеткой. На ней шесть автомобилей. Он запомнил их марки и цвет, а также номера тех двух машин, которые были видны.

Один к пяти, что Майкл приедет не на своей, а на арендованной машине. Оставит он ее не на стоянке «Лунного ковбоя», а где-то на улочках, в двух кварталах от цели и придет пешком. Разин на его месте поступил бы так же. За следующие полчаса он дважды исколесил все окрестные закоулки. Будний день, машин, припаркованных вдоль улиц, совсем немного. Везде висят таблички, что по четвергам нельзя оставлять транспортные средства на правой стороне, там муниципальная служба проводит уборку.

Не делая записей, Разин запомнил припаркованные машины. Он гордился памятью, которая не раз сослужила добрую службу, авось, и сейчас не подведет. Остановился, выключил двигатель, постоял немного и снова поехал тем же маршрутом. За время последнего объезда число машин, припаркованных у пивной, не изменилось. А вот на параллельной улице, позади «Лунного ковбоя», две машины прибавилось, а одна уехала. Еще одну, только что подъехавшую машину, он заметил на боковой улице. Это был «олдсмобил» позапрошлого года выпуска, темно-зеленый, не здешний, на номере два оранжевых персика и слоган Джорджии – «Штат персиков».

Частенько путешественники оставляют здесь, в Нью-Йорке, машины, арендованные в других штатах. Эти машины с чужими номерами берут напрокат местные автомобилисты. Разин припарковал свой «форд» на стоянке «Лунного Ковбоя», вошел в заведение и остановился, дожидаясь, когда глаза привыкнут к полумраку. Впереди стойка, за которой бармен в черной рубашке и светлой ковбойской шляпе полировал салфеткой стаканы и кружки. Позади него три длинных полки с бутылками, над ними череп буйвола с длиннющими рогами. Работал телевизор, но его заглушала известная песенка Тони Беннета. Слева несколько игровых авто-

матов, справа два бильярдных стола, парни в кожаных жилетках и байкерских майках играли в пул.

Навстречу Разину с барного стула поднялся мужчина лет пятидесяти, в темном костюме и галстук в горошек. Человек помедлил, хотел подать руку, но в последний момент почему-то передумал.

– Я Майкл Робинсон, – сказал он, – Тот самый. А вы... Да, я знаю, кто вы. Спасибо, что пришли, мистер Бергер.

– Рад знакомству, – Разин подумал, что уже давно живет чужой жизнью, но почему-то не может привыкнуть к чужому имени.

– Честно говоря, я слабо надеялся, что вы придете. Казалось, что в последний момент решите остаться дома и даже не позвоните. Вообще в такие дни, темные и дождливые, мои дела идут так себе, не хватает удачи. Но все меняется в солнечную погоду. Странно...

– У меня в дождливые дни тоже ничего не ладится. Но сегодня, видимо, исключение.

– Справа от меня, вон там, за стенкой, где игральные автоматы, есть кабинеты. Для деловых встреч. Я распорядился, чтобы нам накрыли. Перекусим. Но, сначала по рюмке...

Сели у стойки, Разин заказал двойную водку с лимоном. Майкл взял кружку ирландского красного эля, выпил его торопясь, большими глотками. Они прошли через зал, до двери в стене, за ней был довольно вместительный кабинет с прямоугольным столом посередине и двумя кожаными диванчиками. Разин скинул плащ, вытащил сигареты. Он был одет в темные джинсы и свободный пуловер, прикрывающий пистолет под ремнем. Возможно, это лишняя предосторожность, но с оружием он чувствовал себя спокойнее. Они сели друг против друга, перебрались наблюдениями за погодой и пришли к выводу, что с каждым годом она только портится.

Робинсон, казалось, был немного взволнован, хотя держался уверенно. Могло показаться, что у него итальянские корни, но речь его была чистой, без малейшего акцента, он сто процентный янки или, скажем так, последние четверть века прожил на севере, в больших городах. Робинсон носил классические ботинки, плащ цвета хаки и синий костюм от братьев Брукс, не самый модный, но вполне приличный, на запястье часы долларов за двести, золотой перстень и запонки с черным ониксом.

Появилась милая девушка, ослепив улыбкой, сказала, что ее зовут Долли. Она была очень милой в своих ковбойских сапожках, коротких шортах, широкополой шляпе из искусственной замши и черной кофточке с разрезом до пупа, открывавшей нежную кожу шеи, тонкие ключицы и бюст, которому было тесновато под прозрачным гипюром.

Долли, показывая в улыбке все тридцать два здоровых зуба, смотрела на гостей. Она выглядела так, будто прожила на свете двадцать пять лет счастливой жизни, но до полного сто процентного счастья ей не доставало одной малости: увидеть Разина своими глазами и перебраться парой слов с его другом. И вот теперь мечта сбылась, жизнь прожита не напрасно. Долли немного наклонилась, оголяя бюст. Майкл сглотнул слюну:

– Давайте по нью-йоркскому стейку? – сказал он Разину. – Тут их хорошо готовят.

– Отличная идея, – кивнул Разин и стал смотреть в разрез кофточки, будто хотел сунуть туда свою визитную карточку. – Пожалуйста... Мне хорошо прожаренный. И еще вот чего... Вот чего... Пива, но какого-нибудь светлого, легкого.

Разин отвел взгляд и, разгоряченный зрелищем, стал смущенно смотреть в пространство, будто это он был девушкой и стыдился ходить с голой грудью среди немолодых мужчин. Взглядом Долли сказала, что выполнит все его желания, может быть, даже самые порочные, и ускользнула, как трепетная лань. Разин положил на стол сигареты с зажигалкой и откашлялся.

– Вы не курите? – спросил он Майкла.

– Балуюсь. Но стараюсь не злоупотреблять.

Майкл достал сигареты и зажигалку в медном корпусе, открыл колпачок и закрыл его, но не закурил.

– Честное слово, я редко веду разговоры с незнакомыми людьми. Поэтому чувствую себя неуверенно, как-то по-дурацки. Впрочем, я вас немного знаю, но с чужих слов. Кто вы, что у вас магазин, что женаты...

– Значит, у нас общие знакомые?

– Да, знакомые. Уж наберитесь терпения. У вас время есть? Ну, до вечера хотя бы?

Разин почувствовал, что этот человек хочет сказать нечто важное. Он был заинтригован этим предисловием и ответил, что он не спешит, и времени у него много.

– И прекрасно, – отозвался Майкл. – Это я к тому, что здесь можно съесть ланч и отправиться куда-нибудь... Ну, в какое-то место, где мы будем чувствовать себя более или менее свободно. Где можно спокойно поболтать. Это место вы выберете сами. Чтобы знать...

Он обвел взглядом стены и потолок, давая понять, почему он не хочет поболтать здесь. Потом закурил и рассказал пару анекдотов про тещу и зятя.

* * *

Покончив с ланчем, они покинули заведение, дождик кончился, потеплело. Сели в машину Разина, минуту посидели молча.

– Выбрали место для прогулки? – спросил Майкл. – Хорошо прогуляться там, где не достанет направленный микрофон. Если хотите, перед началом разговора мы можем зайти в туалет... Вы обыщите меня. И убедитесь, что прослушивающей и записывающей аппаратуры нет.

– Хорошо, – кивнул Разин и завел машину. – Ботанический сад в Бруклине подойдет? Это недалеко.

– Отлично. Давно там не был.

– Тогда мы на правильном пути, – сказал Разин, он смотрел в зеркало заднего вида, ничего подозрительного. – Там есть хорошее кафе. Людей мало. Еще снег местами лежит. Подышим чистым воздухом. И еще в оранжерее недавно открылась выставка орхидей. На обратной дороге можно туда заглянуть. Откуда вы меня знаете?

– Не могу назвать общего знакомого. Да и знаю я о вас не так много. Вы женаты на американке, хотя этнический немец. От этого брака детей нет. У вас два антикварных магазина, вы обеспеченный человек консервативных взглядов. У вас нет хобби, но вы любите американскую художественную литературу. От Уолта Уитмена до Уильяма Фолкнера. Хотя меня лично тошнит от этих напыщенных снобов. Совсем недавно я не знал о вас ничего, но случайно кое-что услышал. Так, чужие разговоры, не более того... И решил, что нам надо встретиться и поболтать.

– Вот как? – усмехнулся Разин.

– Иногда я думаю, что мы с вами стоим на гибельной дороге, которая скоро оборвется. Я немного фаталист и склонен видеть знаки судьбы везде и во всем. Знаки печальные, тревожные. Но чаще всего я ошибаюсь и вижу знаки там, где их нет... Возможно, моя тревога напрасна, возможно, нет. Но пока у нас остается время, пока мы живы, можно сделать парочку добрых дел. Чтобы мой рассказ был правильно понят, я не буду лезть в скучные подробности. По ходу дела вы можете меня остановить. Тогда я уйду, и мы больше не увидимся. Вы ничем не рискуете. Ну, привязался какой-то сумасшедший, молот всякую чепуху...

– Любопытно будет послушать. Просто из любви к художественным рассказам.

Они доехали за полчаса, прошли на территорию ботанического сада, свернули с центральной аллеи и оказались в кафе, окна которого выходили на пруд. Зал был небольшой, из посетителей только женщина с девочкой лет двенадцати. Да еще в дальнем углу жевал сэндвич

старик в темном пальто. Они пили кофе, смотрели на воду. Потом поднялись, пошли к туалету и вернулись через десять минут. Разин сходил за новой порцией кофе.

– Итак, я начну с середины. Так удобней. Некий Уильям или просто Вилли (имя выдуманное) жил в этой стране, точнее, находился здесь в долгосрочной командировке и вскоре собирался уже вернуться обратно на родину, в Лимонию. Несколько лет бедняга трудился тут в поте лица. Но начальство решило, что пора ему назад, в родные пенаты. Настало время отдохнуть. Наш герой собрал чемоданы и уже готовился купить билеты в Мексику. Он там должен был посидеть пару дней где-нибудь в гостинице, взять билет до Кубы, оттуда в Европу. А там уж и в Лимонию.

– Долгая дорога, наверно, – заметил Разин.

– Ну, ему так удобнее. Короткая дорога не всегда самая быстрая.

– А почему Лимония?

– Это просто. В той стране все кислое, что ни попробуешь. Кислая жизнь, кислая зарплата, начальство, жилье и все остальное. Кроме женщин. Женщины красивые. Так вот, перед самым отъездом нашему герою позвонил один приятель, назовем его Полом. Этот Пол, кажется, оказался тут по работе, буквально на недельку выбрался. По его словам, прилетел из Лимонии на международную выставку. А с Полом еще один приятель, тоже соотечественник, крепкий такой молодой мужчина. Назовем его Владом. И вот Пол и Влад вспомнили об Уильяме, ну, что живет в Нью-Йорке такой парень. И думают: как он тут? Можно встретиться и посидеть. Ну, позвонили ему. Наш Вилли обрадовался звонку. Вечерком они втроем отправились в какое-то злачное заведение. Вам не очень скучно?

– Нет, отчего же, – Разин огляделся по сторонам. – Продолжайте.

– Я слишком много говорю о деталях. Хотя детали не так уж важны... Но и пропускать не хочется. Главное, что Уильям в Мексику не улетел, вся эта затея с авиабилетами и отменилась. На той вечеринке что-то пошло не так. Два гостя расспрашивали Уильяма о его здешней жизни, о работе... А он отвечал не очень складно или не очень правдиво. У него, видимо, были причины что-то скрывать. А, может быть, он говорил правду, а друзья ему не поверили и захотели выяснить, почему он врет. Они решили продолжить разговор, но им нужно было местечко потише.

– Простите, не хотите прогуляться? – спросил Разин. – Кафе рано закрывают. А на улице свежий воздух и солнце.

– Хорошая идея, – Майкл поднялся.

– А почему эти друзья из Лимонии захотели встретиться с Уильямом? Он ведь сам уже возвращался домой. Так зачем торопить события?

– Значит, были причины. Мое мнение: начальство этого паренька почему-то сомневалось, что он вернется. Кто-то подозревал, что он свернет с пути истинного и затеряется неизвестно где. Или вовсе никуда не поедет, останется в Штатах и много чего расскажет заинтересованным лицам в обмен на свободу. Вы же понимаете. Да, невозвращенцы из Лимонии разбросаны по всему миру.

Они вышли на воздух и направились в глубину ботанического сада. Действительно, посетителей тут оказалось немного, небо очистилось от облаков и сделалось синим, будто лето пришло. Робинсон остановился и сказал, что дальше идти не хочет. Он недавно перенес воспаление легких, врач просил не переохлаждаться. Он потоптался на месте и сказал:

– Уильям не доехал до Лимонии. И никогда уже не доедет. Но сейчас, простите, я переоценил свои возможности. Это после болезни... Не могу рассказать всю историю целиком. Позвоните мне, когда будет время. И мы продолжим. А сейчас я пойду, а вы еще погуляйте. Такая хорошая погода.

Робинсон повернулся и пошел к выходу.

Глава 2

На следующий день, взволнованный вчерашним разговором, Разин поднялся в шесть и больше не мог заснуть. В кухне, пока пил кофе, перекинулся парой реплик с Мартой, которая вставала еще затемно, слушала новости по радио, пила кофе, уже готовая отправиться на работу в больницу.

– Мне нездоровится, – сказала она. – Какая-то я сама не своя. И голова болит.

– Может быть, дома останешься?

– Из-за головной боли? Ты шутишь?

Марта допила кофе, вымыла чашку и сказала, что любит его, а потом поцеловала в макушку. Она взяла со стола сумочку, вышла в тесный коридорчик, соединяющий кухню и гараж. Через окно он видел, как серебристый «меркури» выехал на дорогу и пропал из вида. Марта всегда была аккуратной, пунктуальной и предсказуемой. Разин спросил себя: почему у них с Мартой нет половой жизни, разве что изредка? Он ведь относится к ней неплохо, и она говорит, что любит его.

Около девяти он позвонил Джону, продавцу из антикварного магазина, и сказал, что сегодня не придет.

– Плохо себя чувствую, – соврал он. – Может быть, завтра полегчает. Ко мне в полдень обещал придти хозяин магазина на Ист-Стрит. Возьми ключ от сейфа, ну, ты знаешь где. Вытащи коробочку в синей бумаге и отдай ему. Он оставит деньги.

– Понял, – ответил Джон. – Что-то еще?

Разин ответил, что еще надо убрать с прилавка серьги с бриллиантами и сапфирами. На них нашелся покупатель, просил отложить для него. Разин опустил трубку и вспомнил, что Векслеру следует отдать еще одну мелочь. Но перезванивать не стал, решив, что все остальное сделает сам, это не срочно. Следующие полчаса ушли на бесцельное хождение по дому. Он старался еще и еще раз прокрутить вчерашние события, словно кинолентку, вспомнить Майкла Робинсона, его лицо, одежду, манеру держаться, особенности речи. Разин накинул куртку и вышел на открытую веранду, но скоро замерз и вернулся назад.

В голову лезли мысли, что вчера он рисковал без смысла и без пользы, когда поехал на встречу на чужой территории с незнакомцем. А ведь до этой встречи у него было время, чтобы все сделать по-умному. Первое дело – написать письмо в Москву своему куратору и дожидаться инструкций. Так он должен был поступить. Из Москвы наверняка запретили бы это мероприятие, или приказали подпоить и разговорить Робинсона, выяснить, чего он хочет на самом деле. Кроме того, надо было привести с собой человека, а лучше двух, которые страховали бы Разина на улице. Но, вопреки логике, он поступил иначе. И теперь, совершив ряд грубых ошибок, решает, как все исправить.

Еще не поздно встретиться со связным и отправить в Москву сообщение, что Разина провоцируют, видимо, фэбээровцы. Через подставное лицо ему пересказали некую историю про похищение человека. И, кто этот человек, Разин догадывается. Не хочется верить, что рассказ Робинсона – это правда. Но, возможно, и не ложь. К сожалению, некоторые события рассказа имеют нечто общее с реальностью. Павел Ткачук, бывший связной Разина, три месяца назад должен был вернуться в Россию. Он купил авиабилет до Мексики, а оттуда собирался отправиться на Кубу и только потом в Москву через Европу. Он исчез за неделю до отлета. Из Москвы пришла шифровка, что Ткачук благополучно долетел и шлет привет. Но это вранье, он не улетел бы, не попрощавшись.

Ткачук как в воду канул. На съемной квартире в верхнем Манхэттене он не появлялся уже давно, его синий «шеви» со спущенным задним колесом стоял в гараже многоквартирного дома, по вечерам окна его квартиры не светились.

Если Ткачука убрали американцы, то жизнь Разина и нескольких его людей висит на волоске. И можно уже бронировать одиночку в Синг-Синге, лет на двадцать. Наверное, за ним следят парни из ФБР, хотят посмотреть, куда он кинется с перепугу, кому позвонит, с кем назначит встречу, что скажет в телефонных разговорах. Разглядывают его, как насекомое, которому место в их гербарии, выбирают момент, чтобы прихлопнуть. Дома он не держит никаких компрометирующих материалов, но по закону подлости что-нибудь обязательно найдется.

Итак, первая версия, самая простая и убедительная: Робинсон работает на ФБР. Но есть другой вариант: Робинсон не врет. Самое разумное – не делать резких движений, не показать своего беспокойства. Он сел в большой комнате на диван напротив телевизора и стал смотреть городские новости.

Мысли возвращались к Робинсону. На первый взгляд ему лет пятьдесят пять или чуть меньше. Волосы с проседью, рост около шести футов, среднего сложения, темный шатен с прямым носом и квадратным подбородком. Серые глаза смотрели на мир недоверчиво, иногда он проводил указательным пальцем по переносице, снизу вверх, будто очки поправлял. Заметно, что у собеседника близорукость, но на встречу он почему-то пришел без очков.

Робинсона старила ранняя седина и кожа, бледная с серым оттенком, будто он долго просидел в помещении без дневного света и много курил. Руки были беспокойные, он щелкал пальцами, если не мог подыскать нужное слово, крутил пуговицу пиджака, открывал и закрывал колпачок зажигалки. Он был левшой и носил пистолет в подплечной кобуре справа. Когда он задумывался, левая рука непроизвольно скользила по груди, пропадала за складками плаща, кончики пальцев прикасались к рукоятке пистолета, Робинсон снова чувствовал себя увереннее. Временами он прерывал монолог, брал паузу и, словно собираясь с силами, поднимал голову и так сидел с закрытыми глазами минуту или около того.

Он человек весьма образованный, читает «Нью-Йорк таймс». Иногда он поправлял узел галстука, будто тот был слишком тугим, словно воздуха не хватало. Обычно так делают люди, которые врут. Но Робинсон страдал одышкой, воздух был влажный, и не совсем здоровому человеку тяжело дышалось на прогулке. Вот, собственно, и все, что вспомнилось.

Разин вошел в свою комнату, которую называл кабинетом, достал с книжного шкафа пишущую машинку в футляре. Сел к столу и быстро, пункт за пунктом, напечатал приметы Майкла, которые он хорошо запомнил, а также номера машин, стоявших неподалеку от пивной. Первым в этом списке был темно-зеленый «олдсмобил» из Джорджии с тамошними номерами, плюс еще несколько номеров машин, которые можно проверить. Затем он переоделся в спортивные брюки и теплую куртку, сел в машину и уехал. Разумеется, никто за ним не следил и все меры предосторожности, выработанные годами жизни в чужой стране под чужим именем, сейчас были лишними.

* * *

По дороге он остановился у закусочной, купил сэндвич и сделал звонок из таксофона. Когда трубку взяли, он сказал по-английски:

– Привет, это я. Как сам? И хорошо... Ты мне нужен прямо сейчас. Подъезжай на Манхэттен к Рокфеллер-центру. Там сзади улица, на ней огромный католический собор. Не помню названия. Ну, ты найдешь... Рядом магазин «Блумингсдейл». Вот там, в соборе, а не в магазине, мы и встретимся. Хотя ты так любишь за покупками бегать по роскошным магазинам. Хлебом не корми...

Разин рассмеялся, вспомнив, что человек, которому он звонит, ведет предельно экономный, почти аскетический образ жизни и, возможно, названий роскошных магазинов даже не знает.

– Вдоль прохода пройдешь к алтарю. Где-нибудь там на скамье буду я. Что? Нет, он открыт в любое время в любую погоду. Поспеш, пожалуйста.

Он сел в машину, съел сэндвич и выпил кофе из бумажного стаканчика. Затем проехал еще четверть часа, вышел возле почты. Оказавшись в здании, сделал звонок в детективную контору «Клаус и Спенсер», попросив позвать к телефону Чарльза Гудмена. Когда тот подошел, назвался Эриком Бергером и напомнил, что в прошлом году Чарльз помогал ему найти одного приятеля. Теперь есть новая работенка. Надо разыскать человека, точное имя которого не известно, но есть информация, которая упростит задачу. Это не очень срочно, но и тянуть не следует. Они поболтали еще пару минут, Разин повесил трубку.

Снова сев за руль, достал из кармана конверт с машинописными страницами внутри: описание примет Майкла Робинсона, вероятные номера его машины. Разин вложил в конверт триста долларов двадцатками и запечатал его.

Вскоре он вошел в Собор Святого Патрика на Пятой авеню. Внутри было тепло, пахло воском и лампадным маслом. Здесь было больше туристов, чем верующих. Он прошел вдоль рядов, сел на скамью недалеко от алтаря, взял библию, новую, в бордовой обложке с золотым тиснением, стал переворачивать тонкие страницы, пробовал читать, но не мог сосредоточиться, да и мелкие буквы в полумраке были плохо видны. Ник Колби, мужчина лет сорока, рано поседевший, прошел мимо, оглянулся и, узнав Разина, сел на скамью впереди и сдвинул на затылок зеленую шляпу. Наклонившись вперед, Разин сказал, что сегодня же надо отвезти одному господину из детективного агентства письмо, имя и адрес на конверте.

Ник молча взял конверт, поднялся и пошел к выходу. Разин посмотрел ему вслед. На Нике Колби было серенькое потертое пальтишко букле, темно-зеленая шляпа и ботинки, не новые, но всегда хорошо начищенные. Последнее время он ходил медленно и сутулился. Разин полистал библию, положил ее на прежнее место и ушел.

* * *

Через четыре дня Разин дошел пешком до почты и взял из абонентского ящика письмо из детективного агентства. Повернув к дому, Разин ускорил шаг, чувствуя нетерпение. Сидя на кухне, он выудил из конверта счет на тысячу долларов и прочитал письмо детектива Чарльза Гудмена. Этот парень работал быстро. Оказывается, настоящее имя Майкла Робинсона – Стивен Платт, пятьдесят пять лет, вдовец, жена умерла от рака несколько лет назад. Двое детей. Взрослая дочь живет в Лос-Анджелесе, работает управляющей в большом отеле. Сын живет в пригороде Нью-Йорка, он недавно женился, работает бухгалтером в крупной фирме.

Стивен Платт жил в особняке викторианского стиля в пригороде Бостона. Дорогуший дом полностью выплачен, адрес такой-то, телефон такой-то. Сильных страстей, увлечений у Платта нет, он всегда сосредоточен на работе. Мало задумывается о впечатлении, которое производит на людей, живет скромно, хотя может позволить себе многое. Он хозяин антикварного магазина, дела идут хорошо. Плат решил начать новое дело, связанное с продажей картин европейских мастеров. Но до сих пор это лишь проект, правда, уже на финальной стадии.

Платт собирается открыть выставку-продажу живописи и антиквариата в центральной части Бостона, экспозиция будет поделена на два раздела. В одном-двух залах картины современных художников, всю остальную площадь отдадут старинным картинам европейских художников, и европейскому антиквариату. Вазы, старинная мебель, гобелены, – у этого господина наполеоновские планы. Он собирается проводить торги с размахом, вроде тех, что устраивает «Сотбис» или британский «Кристис».

Покупателями будут местные богачи и иностранцы со всего света. Аукционы будут проходить очно и дистанционно, по телефону. Все желающие смогут заранее приобрести каталоги за десять долларов. Сейчас Платт сосредоточен на переговорах с экспертами и юристами,

которые будут готовить к торгам тематические коллекции. Далее следовали незначительные подробности его быта и сумм, которые он тратит на жизнь. Действительно, все весьма скромно, ничего лишнего.

Разин сел в машину, доехал до закусочной, купил пару бургеров на завтрак и сделал звонок из телефона-автомата в детективное агентство «Клаус и Спенсер» Чарли Гудмену.

– Мне нужно больше информации, – сказал он. – Запишите себе. Надо выяснить, и поскорее, прошлое этого парня. Кто родители, где учился, с чего начинал, его женщины. Может быть, были конфликты с законом, заметные скандалы. Что-то такое...

Разин стоял и загибал пальцы, стараясь ничего не забыть.

– Я хочу сделать ему одно выгодное предложение, как бизнесмену. Поэтому и выясняю подробности жизни... Хочу убедиться...

– Это – ваше дело.

– Да, да... Только надо все аккуратно. Не поднимать пыль.

– Я понял, – сказал Гудмен. – Сейчас же дам поручение своим парням. Они за три-четыре дня раскопают все подробности.

– Хорошо. Пришлите письмо на тот же ящик, экспресс-почтой. Чек я посылать не буду. К вам приедет тот же человек и все привезет. Ну, в конверте.

* * *

Новое письмо Разин получил через четыре дня. В нем оказалось довольно много полезной информации о личности Платта и кое-какие подробности его жизни и быта. Его отец Джон Платт, крупный промышленник, владелец нескольких заводов по выпуску строительных материалов, в основном утеплителя и листового стекла. Семья жила в Питсбурге, затем переехала в Калифорнию, у его матери Изабель Платт в сорок лет врачи нашли туберкулез, ей посоветовали целебный воздух сосновых лесов Калифорнии. Стивен Платт, младший из трех сыновей, не захотел заниматься бизнесом, его тянули гуманитарные науки, он писал длинные поэмы, пьесы для школьного театра, рисовал сначала акварелью, потом маслом.

Работать начал с четырнадцати лет, быстро скопил на первую машину, хорошо учился в школе. Внешне привлекательный, неглупый, он пользовался успехом у девушек. После школы учился в одном из колледжей Лос-Анджелеса, но бросил. Отец оплатил его учебу в Оксфорде. Платт не сумел стать художником, но стал отличным экспертом по европейской живописи и прикладному искусству девятнадцатого века. Одно время Стивен преподавал в Чикагском институте искусств, работал экспертом в Национальной галерее «Прадо» в Мадриде. В молодости ездил по Европе. Трижды бывал в Советском Союзе, читал лекции для советских специалистов в Пушкинском музее в Москве.

Платт – убежденный демократ, человек либеральных взглядов. Он дважды был женат, первый брак – ошибка молодости, хоть он и продлился семь лет. Вторая супруга Тереза, дочь бывшего сенатора, стала настоящей спутницей жизни, она скончалась два года назад от онкологического заболевания. Платт-старший вместе с женой переехал в фешенебельный пригород Вашингтона, округ Колумбия, купил дорогущий особняк в Джорджтауне неподалеку от известного на весь мир особняка Марджори Мерриуэзер Пост, превращенного в частный музей русского искусства.

Старший Платт с супругой жертвовали огромные деньги в бюджет Демократической партии и были на короткой ноге с сильными мира сего. В это время их младший сын вернулся из очередного путешествия по Европе. Около трех лет Стивен жил под одной крышей с родителями и работал экспертом в Вашингтонской Национальной галерее искусств. Он принимал участие в светской жизни, ему даже прочили карьеру политика. Разин подумал, что в свое время наверняка Платт стал настоящей находкой для КГБ.

Из этой общей картины можно было сделать некоторые выводы. Очевидно, Платт был завербован Комитетом еще во время своего первого визита в Москву. Тогда ему было двадцать семь лет. Он не сильно брыкался. Как обычно бывает, для начала ему поручали разные пустяки. В Америке Платт никого не знал, кроме своего куратора, с которым встречается раз в месяц где-нибудь в местном кинотеатре, и связника. Платта некоторое время вводили в игру, поощряя, но не деньгами, к которым он был равнодушен, а вниманием, показным уважением.

Возможно, с ним встретился курьер из Москвы и сообщил, что деятельность Платта очень важна для народов обеих стран, СССР и Америки, потому что Платт не занимается подрывной деятельностью против своей страны, напротив, он укрепляет мир между нашими великими народами. Благодаря его усилиям холодная война не стала войной ядерной. Это говорят всем дурачкам-идеалистам вроде него, чтобы человек верил: он живет и работает во имя мира во всем мире, а не из шкурного денежного интереса.

Да, на Лубянке, наверное, долго ломали голову, решая, чем можно заинтересовать этого парня. Надо думать, Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание майора госбезопасности, какие-то медали и ордена. Сейчас, наверное, Платт уже полковник. За свою карьеру он получил два-три письма от первых лиц СССР, уж точно от Андропова, где тот высоко оценивал деятельность Платта и призывал его и дальше работать на благо мира и процветания. Что-то в этом духе...

Глава 3

Воскресный день был в антикварном магазине нерабочим, но с улицы, через витринное стекло, была видна горящая лампа в глубине помещения. Значит, Джон был на месте. Дом, где находился магазин, был кирпичным, четырехэтажным, старой постройки. Алексей Разин остановил машину на улице, прошел в проулок между зданиями и стал копаться с замком задней двери. Оказавшись в коридоре, он открыл стенной шкаф и скинул плащ. Джон вышел навстречу, это был мужчина лет шестидесяти пяти, в очках, немодных брюках и клетчатой фланелевой рубашке. Он прихрамывал на левую ногу, поэтому ходил с тростью.

– Привет, – сказал Разин. – Я думал, ты уже ушел.

– Сегодня некуда торопиться, – ответил Джон. – Пока еще светло, разбираю иконы. Из новой партии, которую в среду получили из Франции.

– Есть что-нибудь интересное?

– Всегда есть что-то интересное. Всего в этот раз пришло тридцать две иконы.

Разин вслед за Джоном прошел в рабочую комнату, заваленную раскрытыми коробками и упаковочной бумагой. На подставке, освещенная лампой, стояла икона «Оплакивание» размером примерно тридцать пять на сорок сантиметров. На переднем плане тело Христа, обвитое пеленами и готовое к погребению. К его лицу прильнула Богоматерь, к ногам наклонился Иоанн Богослов, на заднем плане ангелы и пустой крест.

– Любопытно, – Разин задержался у иконы. – Хорошее состояние. Кажется, конец девятнадцатого века?

– Середина девятнадцатого, – сказал Джон. – Кто был тот мастер, самый первый, который придумал для красоты покрывать иконы олифой? Сначала они блестят, как пасхальные яички, но через сто лет становятся черными. Снять потемневшую олифу, не повредив рисунок, не так уж просто.

– Сколько за эту можно взять?

– Сотен пять, если без вопросов, – ответил Джон. – У меня есть парень, который купит кое-то. Хоть завтра.

– Что за человек? Он здесь уже что-то брал?

– Нет, у нас он пока не покупал. Но я его знаю. Обычный коллекционер, американец средних лет.

– Отлично, – кивнул Разин. – Пусть в среду приходит. Поговорим. Я тут ненадолго. Когда будешь уходить, не забудь включить сигнализацию.

Разин вышел из комнаты, по железной винтовой лестнице спустился в подвал. Там в проходной комнате стояли три сейфа для хранения денег и драгоценностей. А рядом – его кабинет, где тоже был сейф, черный и большой, похожий на полированный шкаф. На стене в рамках висели лицензии на торговлю антикварными изделиями и драгоценностями, недавняя фотография Марты, той женщины, которая официально, по документам, является законной женой Разина. На снимке ей лет сорок, но Марта, наряженная в цветастый пиджак и розовые брюки, выглядит моложе своих лет.

Он сел в кресло и постарался сосредоточиться на делах. Сегодня встреча с братьями Уилсон, которые обещали взять товар на девятьсот тысяч долларов. Они видели кое-какие дорогостоящие ювелирные изделия, выбрали, что понравилось, и обсудили скидки. Сверх этого ассортимента они возьмут золотые червонцы и пятерки царской чеканки и еще кое-что из золота. Братья никогда не встречаются с ним в офисе, а выбирают разные места, где немногочленно, и откуда можно смыться, если вдруг нагрянет полиция.

По большому счету, все почти законно. Антиквар с лицензией продает свой товар за наличные. Но если надеть очки и взять с полки Налоговый и Уголовный кодекс штата Нью-

Йорк, вопросы появятся, и весьма серьезные. И к братьям Уилсон, и к Разину. Сегодня они выбрали место на подземной стоянке офисного центра, в пять часов, когда на втором уровне немногочисленно. Служащих по субботам почти не бывает, а те, кто бывает, к этому времени уже разъезжаются.

Настораживает не место встречи, тут все по-старому. Настораживает сумма сделки – почти миллион, – Уилсоны никогда не заказывали ничего дороже ста десяти тысяч. И тут такой прыжок... Может быть, они разбогатели на спекуляциях и теперь играют по-крупному? Разин достал из сейфа чемоданчик, открыл его и несколько минут проверял, все ли на месте. Внутри были кое-какие женские драгоценности в футлярах и золотые монеты.

По привычке он присел перед дорогой, вышел в коридорчик и запер дверь. Поднялся наверх по лестнице, крикнул Полу, что уходит, и вышел на улицу. Падая редкий снег, воздух был влажный, кажется, пахло йодом. Наверное, сюда долетал ветер с океана. Он сел в машину и полчаса ехал по тихим улицам, никуда не торопясь. Остановился у магазинчика, рядом с которым стояла телефонная будка, сделал два звонка своим людям. Вернулся в машину и поехал дальше. Самые ценные ювелирные изделия Разин хранил не в магазине и не в банковских депозитарных сейфах. Для этих целей была куплена и обустроена специальная квартира.

* * *

Он вышел у старинного дома на шесть квартир. Открыл ключом дверь подъезда и долго копался с замками на первом этаже. Окна со стороны улицы забраны толстыми решетками. Он задернул шторы и включил свет. Квартира состояла из четырех отдельных комнат, гардеробной, кухни и кладовой, стены покрашены одной и той же серо-желтой краской. Квартира, хоть и была кое-как обставлена разномастной мебелью, сейчас выглядела пустой, здесь не было даже телевизора. При взгляде на эту нору становилось понятно, что здесь никто не живет.

Разин вошел в большую кладовку, где не было вещей, за исключением трех пустых чемоданов. Вытащил с верхней полки бронезилет, снял плащ и свитер. Он надел жилет поверх футболки, затянул проймы с липучками. В оружейном магазине сказали, что это последняя модель, самая легкая и надежная, которая выдержит даже пулю семь шестьдесят два из Калашникова. Он натянул сверху свитер, влез в рукава плаща и посмотрел на себя в зеркало. Со стороны не скажешь, что он пользуется бронезилетом.

Он сдвинул стеновую панель, взгляду открылся большой, в человеческий рост, сейф. Разин отключил электронную сигнализацию и вытащил большую плоскую коробку. Затем взял с верхней полки пистолет тридцать восьмого калибра, уже заряженный, и запасную обойму на двенадцать патронов. Закрыв сейф и включил сигнализацию. Он вошел в столовую, поставил коробку на длинный обеденный стол, снял крышку. В коробке хранились несколько женских браслетов с бриллиантами и сапфирами, брошки с крупными рубинами, кольцо с изумрудами и другие украшения, которые скоро станут собственностью братьев Уилсон. Разин проверил список и переложил драгоценности в свой чемоданчик, пустую коробку оставил на столе.

Он присел к столу, выкурил сигарету и вышел из квартиры.

* * *

До подземного гаража около часа дороги. Он оказался на месте раньше назначенного времени. Поднялась желтая загородка шлагбаума, полотно асфальта пошло вниз. На первом уровне стояло всего пять-шесть машин, Разин проехал вдоль длинных пустых рядов стояки, сделал поворот и спустился на второй уровень. Он свернул направо и поставил машину в углу рядом с дверью на лестницу для обслуживающего персонала. Дверь была металлической со вставкой из армированного стекла. У Разина был ключ от служебной двери, на третьем ниж-

нем уровне стоял «додж», большая машина с мощным мотором, которую он подогнал сегодня утром. Это на случай, если что-то пойдет не так и надо будет уходить.

От братьев раньше неприятностей не было, но репутация у них не самая лучшая. Сегодня большая сделка и некоторые меры предосторожности не будут лишними. Некоторое время он сидел в машине. Гараж был спроектирован на четыре ряда машин, два ряда в середине и два вдоль стен. Но сейчас почти все места пусты. Вдоль средних рядов четыре колонны. В бетонных ячейках потолка, похожих на пчелиные соты, установлены тусклые люминесцентные лампы, работавшие через одну, поэтому света не хватало.

Скоро офисы закроют, после этого гаражом можно будет пользоваться еще час. Если посетитель машину не забрал, он должен будет дожидаться понедельника, чтобы ее получить. Разин постукивал пальцами по баранке, поглядывал на часы. Потом сказал себе, что волноваться не о чем. Были в его практике сделки покрупнее, и эти братья Уилсон не самые плохие парни, с которыми приходилось вести бизнес, все будет нормально.

На противоположной стороне, у стены в углу, стоял серый «шеви», за стеклом Бориса не видно, он должен страховать Разина. Чуть поодаль, в том же дальнем ряду была синяя «тойота», старенькая, с заметной вмятиной на переднем бампере, – там тоже свой человек. Запищал зуммер, Разин открыл бардачок и достал рацию, работающую в ультракоротком диапазоне. На связи был Борис.

– Прием, командир, – сказал он. – Какие новости?

– Пока никаких. Ждем.

– Скоро освободимся? – Борис вечно куда-то опаздывал.

– Вопрос не ко мне, – ответил Разин.

– У меня свидание в семь тридцать у Центрального парка. А туда еще ехать минимум час. «Кадиллак» Генри Уилсона бесшумно выплыл из полумрака, сделал полукруг и остановился в среднем ряду у второй колонны передком к Разину. Следом показался фургон «форд», он тоже развернулся и встал рядом.

– Ну вот и братья, – сказал Разин. – Я выхожу. Оставайтесь на связи.

Он сунул рацию под кресло, оставив ее включенной. Пару минут сидел, выжидая. Наконец «кадиллак» мигнул фарами.

* * *

Разин вылез, отрыл заднюю дверцу и взял с сиденья чемоданчик, наручниками пристегнул его к левому запястью. Если разобраться, все эти тайные встречи в разных местах гораздо опаснее, чем, скажем, встреча в гостиничном номере, где можно все спокойно проверить, выпить по глотку, поболтать и разойтись. Но это трудно объяснить Уилсонам. Сколько ни говори, сколько ни убеждай, они все равно выберут для встречи темную стоянку, самый дальний пустырь, ночлежку или заброшенную фабрику, где сто лет не ступала нога цивилизованного человека.

До «кадиллака» метров пятнадцать. Разин шел медленно и осторожно, словно сапер по минному полю. Он чувствовал тяжесть пистолета в кармане плаща. Генри вылез и встал между «кадиллаком» и фургоном. Это был белый худощавый мужчина лет сорока с небольшим в серой спортивной куртке, на голове черная бейсболка, из-под которой торчали пряди длинных волос. От правой половины носа до нижней губы протянулся белесый кривой шрам, похожий на гусеницу. Хотелось протянуть руку и смахнуть ее с лица. Глаза Генри были тусклыми и неподвижными, будто мертвыми.

Распахнулась боковая дверца фургона, появились два белых парня, потоптались и встали за спиной босса. У одного из них в руке был пистолет. Братья Уилсон всегда брали с собой пару ребят с оружием и предупреждали об этом партнеров по бизнесу, чтобы не волновались.

Генри помахал пятерней и растянул губы в кислой улыбке. Белая гусеница на губе ожила и зашевелилась.

Разин приблизился на расстояние шага и сказал:

– Кажется, у тебя новая машина?

При таком освещении новый «кадиллак» было трудно разглядеть в деталях, но наметанным глазом Разин определил, что машина бронированная. Боковые стекла толщиной в три с половиной дюйма, и они не опускаются, лобовое стекло выглядит совершенно темным, с характерным коричневатым отливом. Значит, неприятности, которые могли произойти, – произойдут. Но теперь нельзя просто развернуться и уйти. Уйти не дадут, ни с чемоданом, ни без него. Он опустил руку в карман плаща и выключил предохранитель пистолета.

– Тачка не совсем новая, – сказал Генри. – А ты, Эрик, меняешь машины раз в три года? Не понимаю, почему. Человек с твоими деньгами может брать новую машину хоть каждый месяц...

Разин подумал, что его люди слышат разговор, они готовы ко всему.

– Я привыкаю к своим машинам, как к друзьям, – ответил он. – А с друзьями трудно расстаться.

– Наверное, ты и с женщинами так, – сделал вывод Генри. – Не любишь расставаться. Встречаешься годами, пока вы друг другу не надоели. Ладно, давай к делу. У тебя с собой все, полный комплект? Ничего не забыл?

– Три раза проверил, – Разин приподнял чемоданчик. – Все по твоему списку, каждую вещь.

Разин крепче сжал рукоятку пистолета, так было спокойней, на минуту показалось, что все обойдется. Он покосился на парня с оружием, высокого, в синей бейсболке. Второй парень, в красной синтетической куртке, по-прежнему смотрел в сторону и держал руки за спиной.

– Где твой младший?

– Стив приболел или притворяется больным, – Генри усмехнулся. – Почти всю ночь просидели в одном заведении... Я сам себя ругаю, что его с собой потащил. Не рассчитал силы. Он хотел приехать, но я сказал, чтобы сидел дома.

– Все мы были молоды, – Разин подумал, что младший брат Стивен, а не Генри, всегда был генератором идей. Стивен моложе брата всего на полтора года, именно он продвинутый парень, который умеет делать деньги и не пропускает важных встреч, а сегодня вдруг взял и не приехал.

– А зачем эти наручники? – Генри только сейчас заметил браслеты на левом запястье и ручке чемоданчика. – Ты никогда не увлекался мазохистскими штучками.

– Времена меняются.

Генри всплеснул руками:

– Слушай... Перед тем, как начнем. Дай мне минуту. Всего одну. Специально для тебя, потрясающая вещь...

Генри открыл заднюю дверцу «кадиллака», нырнул в темноту, дверца захлопнулась. Он всегда боялся случайной пули или рикошета. Парень в бейсболке поднял руку с пистолетом, направил ствол в грудь Разина и выстрелил. Все произошло так быстро, будто эту сцену уже не раз репетировали. Показалось, что правую сторону груди ударили тяжелым молотом, через мгновение молот ударил чуть ниже сердца. Разин на секунду ослеп от боли и почувствовал, что под ногами больше ничего нет, только пустота.

Глава 4

Он упал спиной на бетон, выдернул из кармана пистолет и выстрелил в парня в красной куртке, он стоял ближе. Человек сделал два шага назад и упал. Разин поднялся на ноги и, еще не веря, что не ранен, сжал ручку чемоданчика. Он слышал, как в стороне резанули три-четыре автоматные очереди. В ответ раздались одиночные выстрелы. И снова треск автоматов. Разин побежал к машине, чувствуя головокружение. Кто-то выстрелил ему в спину, пули прошли близко, но не задели.

Он спрятался за «фордом», подождал немного и высунулся. Лобовое стекло «шеви», в котором сидел Борис, было прошито, как сито, автоматными очередями и провалилось в салон. На синей «тойоте» тоже не было живого места, лобовое стекло прострелено в нескольких местах и забрызгано кровью. Возле фургона и «кадиллака» никого не видно, если не считать парня в красной куртке. Он неподвижно лежал на боку вытянув руку, будто что-то хотел достать, но не дотягивался.

* * *

Из-за дальней колонны выглянул человек, он вскинул автомат и дал три короткие очереди в сторону Разина. Пули прошли передние колеса, лобовое стекло и решетку радиатора. Разин подумал, что пора уходить через дверь, а там по служебной лестнице на третий уровень, где ждет «додж», – иначе будет поздно. Люди Генри сместятся вправо, дверь попадет в зону обстрела, ему не дадут уйти. Он привстал, выстрелил в ответ и увидел, как человек с автоматом сделал короткую перебежку и спрятался за ближней колонной. А тот высокий парень в бейсболке побежал на освободившееся место. Разин выстрелил прицельно и не промахнулся. Он видел, как бейсболка слетела с головы, человек бросил пистолет, запутался в ногах и упал навзничь, закрывая руками голову.

Разин, уверенный, что из-за колонны появится тот первый стрелок, взял ее на мушку. Но раздалось несколько выстрелов откуда-то из темноты. Пуля обожгла левое плечо. Разин выстрелил наугад. Из-за фургона показался молодой парень в спортивной кожаной куртке, черной с белыми полосками на рукавах. Вооруженный винтовкой М-16, он встал в полный рост и прицелившись, выпустил длинную очередь.

Разин присел, прислонившись плечом к заднему бамперу машины, инстинктивно прикрывая голову руками, на него посыпалось битое стекло. Машина осела на левую сторону. Человек в куртке с полосками перебежал от фургона ко второй колонне. Разин выстрелил, но не попал. Он перезарядил пистолет. Автоматная очередь прошла по машине, а потом выше, по бетонной стене, не давая высунуться. Стрельба затихла. Левое плечо болело и не давало руке свободно двигаться.

* * *

Казалось, что голос Генри Уилсона звучал совсем близко:

– Эрик, мне ничего от тебя не нужно, кроме чемодана. Просто отдай его и уходи. Ты свободен.

– Почему я должен в это верить?

– Ты меня давно знаешь. Я не кровожадный. Не хочу никого убивать.

Сейчас Генри готов пообещать все, что угодно, он нервничает. Камеры на втором уровне отключены, два охранника с первого этажа куплены, но выстрелы мог услышать посторонний

человек – это нельзя исключать. Генри не хочет ждать, потому что здесь становится слишком жарко.

– Я отдам, – крикнул Разин. – Это не проблема. Подходи, скотина, и забирай.

Автоматная очередь прошла поверх машины. Разин сделал короткую перебежку в угол, к лестнице. Вытащил ключ, вставил его в замочную скважину и оказался на полутемной лестничной клетке. Тяжелая металлическая дверь со вставкой из армированного стекла захлопнулась. Разин бросился вниз, спустился на один пролет из трех. Остановился, услышав неясные звуки. Он выстрелил в люминесцентную лампу, висевшую на стене между маршами лестницы.

Выдержал паузу, шагнул вперед и несколько раз выстрелил на звук. Снизу прозвучало три ответных выстрела и наступила тишина. Разин стоял и ждал. Свет пробивался сверху и снизу, но ясной картины не было. Кажется, на нижней площадке, привалившись спиной к стене, сидел человек.

– Бросай ствол, – сказал Разин.

– Я уже бросил.

Голос знакомый, кажется, это Стив, младший брат Генри. Разин шагнул вперед, теперь глаза привыкли к темноте, он разглядел какого-то человека, лежавшего поперек площадки в черной луже. Другой человек, подняв руки над головой, сидел у стены. Разин спустился, подошел ближе, сунул пистолет в карман. Пнул пистолет Стива, схватил парня за воротник куртки и потянул вверх. Стив застонал, он был ранен в бок. Кажется, ничего опасного. Рукой он зажимал рану, будто боялся истечь кровью, и громко стонал.

* * *

Они спустились вниз на два пролета, Разин открыл дверь, подтолкнул Стива вперед. На последнем уровне гаража царил полумрак, машин тут вовсе не было, только серый «додж». Разин дотащил Стива до машины, открыл багажник. Вынул оттуда красную пластиковую канистру с бензином. Стали слышны посторонние звуки, это сверху спускался синий фургон. Разин затолкал в багажник Стива, который не сильно сопротивлялся, только ныл и жаловался на боль в боку. От вида собственной крови он был в полубморочном состоянии. Синий фургон остановился в двадцати метрах, перекрывая дорогу, включил фары. Теперь водитель и все пассажиры могли все видеть.

Парни в фургоне ждали, когда прибудет Генри, он скажет, что делать дальше. Разин отвинтил от канистры черную крышку и вылил ее содержимое на «додж» и на бетонный пол. Уже через минуту подъехал «кадиллак» и еще одна машина, темный седан, который еще не попадался на глаза. Теперь мимо них не проскочишь, пути для отступления не было. Разин стоял в луже бензина и кожей чувствовал, как на нем сошлись враждебные взгляды. Он вытащил из кармана зажигалку «зиппо», откинул пальцем колпачок и крутанул колесико. Вспыхнул огонек.

В суматохе Разин не успел отстегнуть чемодан от левой руки. Поврежденное пулей плечо болело, кисть руки и предплечье онемели. Прошла минута. Генри, видимо, просчитывал возможные варианты, наконец, он вышел из машины, сделал по направлению к Разину несколько шагов и остановился. Из фургона вылезли два парня с автоматами. Они просто стояли и смотрели, что будет дальше.

– Эта зажигалка не погаснет, когда выпадет из моей руки, – сказал Разин. – Поэтому выстрел в мою сторону – это билет в крематорий для твоего брата.

– Отпусти его, – сказал Генри. – Он ни в чем не виноват. Я сказал ему караулить лестницу...

– Он только что стрелял в меня и чуть не убил.

– Ладно, Эрик... Мы дадим тебе уйти. Чемодан можешь забрать.

– Слушай, тут плохая вентиляция. Ты сам должен чувствовать. В воздухе столько бензина, что скоро все загорится без моего участия. И тогда уже ничего не исправишь. Стив сгорит заживо. Дай мне уйти на машине вместе с ним. Иначе не получится.

Генри и сам чувствовал, что все вокруг пропахло бензином, он просто висит в воздухе, как болотный туман, и до пожара один шаг или того меньше. Зажигалка может выскользнуть из руки, тогда обсуждать будет нечего. Стрелять нельзя, значит, надо договариваться.

– Делай, как он говорит, – закричал из багажника Стив. – Я не хочу тут подыхать.

– Если с моим братом что-то случится, – начал Генри. – Я с тебя живого шкуру спущу...

Стив закричал еще громче, на высокой ноте:

– Боже, хватит базарить. Дай нам уйти.

Генри отошел назад, что-то сказал своим людям, сел в «кадиллак». Машины сдали назад, освобождая дорогу. Разин закрыл крышечку зажигалки, сел за руль и отстегнул запястье левой руки от чемоданчика. Он тронул машину, прибавил газу, проехал вдоль нижнего уровня, сделал поворот, не снижая скорости. Разин проскочил второй уровень, на выезд вела узкая полоса асфальта, впереди еще один поворот, а дальше путь по прямой, где его уже никто не остановит.

Притормозив, Разин вписался в поворот, когда перед машиной из-за угла выскочили два мужчины. Тот, кто был ближе, выстрелил из пистолета в водителя, сделав две дырки левее цели. «додж» на скорости ударил его передком, человек, сломавшись надвое, упал на капот и отлетел к стене, словно тряпичная кукла. Второй мужчина в сером плаще с автоматом наперевес замер на месте и дал очередь, но слишком высоко задрал ствол. Две пули прошли стекло наверху, возле уплотнителя, сбили зеркальце, остальные ушли в темноту. Стрелок, бросив автомат, метнулся в сторону. Разин успел повернуть руль влево, ударил беглеца углом бампера и размазал по стене кузовом «доджа».

Машина разломала желто-черный шлагбаум и вырвалась на улицу. Было уже темно, пошел дождь со снегом. Разин свернул налево, промчался по прямой, сделал несколько поворотов, путая след. Полиции у въезда в офисное здание не видно, – это хорошая примета. Улицы узкие, с бесконечными перекрестками и стоп-сигналами, надо бы свернуть на хайвей, но он, все взвесив, решил, что здесь, в жилых кварталах, безопаснее. Сейчас главное – уехать как можно дальше от места перестрелки, бросить машину, а дальше как повезет. Машина была куплена Борисом по чужим документам на полицейской распродаже транспортных средств, конфискованных у преступников, как раз для сегодняшнего мероприятия. На всякий случай Борис перекрасил «додж» и сменил номера.

* * *

Разин оказался в малознакомой части города, здесь он бывал редко. Иногда попадались нежилые дома или пустыри, остовы сожженных автомобилей. Наконец, показался крошечный магазинчик, Разин притормозил, над входной дверью увидел название улицы и номер дома. Итак, он в Куинсе, если ехать прямо, то рано или поздно окажешься в аэропорту имени Джона Кеннеди, но аэропорт ему не нужен. Отсюда до съемной квартиры, о которой никто не знал, на машине минут сорок. Полтора года квартира стояла пустой, но теперь пригодилась.

Стив отошел от испуга и стал подавать признаки жизни, он сначала робко, а затем сильнее, стучал в крышку багажника и что-то бормотал. От машины надо избавляться, полиция наверняка уже на месте. Ищет свидетелей и пересчитывает трупы. Возможно, у полицейских уже есть описание «доджа» и его номера. Темные улицы проплывали мимо, болело простреленное плечо, в багажнике ныл Стив.

Наконец Разин загнал машину в проулок между двумя трехэтажными домами. Слева были помойные баки и сплошная кирпичная стена без окон. Справа столбики и натянутая железная сетка, за ней темный крошечный дворик. На третьем этаже горят два окна, занавесок

нет, но бумажные жалюзи опущены. Если пройти до угла дома с палисадником, будет улица с двусторонним движением. Прямо над ней, на высоте третьего этажа, проходит линия надземки, стоят металлические опоры, тронутые ржавчиной, над ними железнодорожные пути. По одной ветке можно доехать прямо до Манхэттена, по другой до Джамайки, района, где редко встретишь белого человека, туда не ездят туристы, там часто стреляют.

С интервалом в несколько минут по путям с грохотом проходил поезд метро. Разин достал из-под сидения тряпку и вытер в салоне все поверхности, к которым мог прикасаться и, захватив чемоданчик, вышел из машины.

– Черт, открывай, – крикнул Стив. – Я ведь подохну тут.

Дождь со снегом не кончался. Разин встал сзади, в багажнике ворочался Стив, ему казалось, что сейчас, в эту самую минуту, решается его судьба, жить ему дальше или... Разин напрасно мучался сомнениями, по дороге сюда он уже все решил, Стива отпускать нельзя. Бросив тряпку, Разин вытащил пистолет и почувствовал приступ какой-то странной слабости и тошноты. Он не ел с полудня, у горла стоял солено-кислый комок, хотелось отойти к бакам, пусть там его вывернет наизнанку.

Стив постучал кулаком по крышке багажника:

– Хорош, чувак. Без шуток, открывай. Я задубел тут, я истекаю кровью...

Разин закурил, но легче не стало, сигарета оказалась кислой и противной. Надо было кончать, открыть багажник и выстрелить. Нельзя было после всего, что случилось, оставлять Стива живым. Разин взвел курок и минуту стоял, задрал лицо к небу. На кожу падали и таяли снежинки. Разин подумал, что не сможет, физически не сможет открыть багажник и выстрелить. Если он заговорит со Стивом или посмотрит ему в глаза, то не сможет...

Разин стоял и ждал, когда проедет поезд. Наконец послышался далекий шум, будто по асфальту катили пустую бочку. Поезд подъехал ближе, он мчался мимо, грохотал, гудели рельсы. Ждать было нельзя. Разин отступил от машины и выпустил в багажник «доджа» пять пуль, оставшихся в обойме.

Глава 5

Он шел дальше по полутемной улице, чувствуя сильный озноб, и прикидывал, как добраться до съемной квартиры. Изредка попадались открытые лавки. Стекло витрин со стороны тротуара было защищено железной сеткой, натянутой снизу доверху, с внутренней стороны установлена железная решетка, продавцы хранят под стойкой обрезки или пистолеты. Здесь продают в основном продукты, полуфабрикаты, которые можно, придя домой, разогреть и съесть, продают зонтики и всякую мелочь.

Может быть, в одной из этих лавок можно найти что-то вроде куртки. Но заходить в помещение в этом разорванном плаще, с кровавыми пятнами, нельзя. Продавец может позвонить в полицию. Он остановился возле лестницы, которая вела наверх, к кассам и дальше, на станцию, но подниматься не стал. На платформе или вагоне, где иногда ходят полицейские, его задержат, – в этом можно не сомневаться.

Он пошел дальше, свернул в узкий проулок, снял плащ в пятнах крови, с разорванным рукавом, стянул свитер. Расстегнул липучки бронежилета. В этой штуке сидели две пули, которые чудом не схлопотал Разин. Он положил бронежилет на кучу мусора, сверху бросил плащ. Осмотрел рану. Все не так уж плохо, плечо прострелено, но, к счастью, кость не повреждена, пуля прошла навывлет. Он потерял много крови, но сейчас рана по краям подсохла, кровотечение почти прекратилось. Он снова натянул свитер, темно-коричневый, из толстой пряжи, синтетика пополам с шерстью, и пошел дальше. Свитер впитал в себя так много крови, что почти весь рукав, сверху донизу, был насквозь мокрым.

Если бы можно было поймать такси, но здесь они попадаются редко, а если иногда и проезжают, то поздним вечером не останавливаются, чтобы взять пассажира. Такси гонят в аэропорт или обратно в Манхеттен. Под опорой путепровода, на пластиковых мешках с мусором, сидел белый мужчина лет пятидесяти, одетый в плащ и шляпу. Время от времени он подносил к губам плоскую бутылку в бумажном пакете и делал глоток. Склонив голову на бок, он смотрел на вечернего пешехода, будто ждал чего-то. Мужчина примерно его роста, размер побольше, но это не критично.

Разин подошел к бродяге и сказал:

– Есть бизнес-предложение.

– Ого, – сказал бродяга. – Я сразу понял, что ты управляющий банка Чейз. Я угадал?

– Почти. Продай плащ. Плачу двадцать долларов наличманом.

Бродяга уже рассмотрел свитер и пятна крови.

– Всего двадцать? – переспросил он. – Сэр, без плаща я замерзну ночью.

Этот дядька скидки не сделает. Разин сунул руку в карман, достал почти всю наличность, что была с собой, двести сорок долларов, и сунул их в руку бродяги. Тот пересчитал и, опасаясь, как бы покупатель не передумал, скинув плащ, пропал в темноте. Плащ, еще хранивший тепло прежнего хозяина, широкий в плечах, был сшит из толстой зелено-серой синтетической ткани. Его теплая подкладка пропахла дешевым виски.

Все еще чувствуя озноб, Разин прошел несколько кварталов до станции метро. Поднялся вверх на два пролета железной лестницы с двухсторонними перилами. Здесь был застекленный павильон, окрашенный ядовито-зеленой краской, в нем размещалась билетная касса. Разин сказал «здравствуйте», достал банкноту и попросил билет на одну поездку. Пожилой мужчина-кассир, отделенный от мира высокой стойкой и пуленепробиваемым стеклом, просунул в узкую щель билетик, сдачу и пожелал ему доброго вечера.

Разин вышел из павильона, миновал турникет, поднялся еще на два пролета и оказался на платформе, длинной, полутемной. Он достал из брючного кармана носовой платок, поплевал на него, сел на лавку, стер с левого ботинка и чемоданчика пятна крови. Минут через десять

подошел поезд. Пассажиров оказалось немного. Вдоль вагонов прошли два полицейских, бросили на Разина быстрые взгляды и проследовали дальше.

* * *

Разин снимал квартиру на втором этаже четырехэтажного дома на тридцать квартир. Окна выходили на задний двор, где была устроена автостоянка для жильцов, обнесенная забором. Поднявшись по скрипучей лестнице, он открыл дверь и включил свет в прихожей. Скинул плащ, помыл руки в ванной, посмотрел в зеркало: увидел там чужое лицо, немолодое и усталое, с глубоко запавшими глазами. Он кое-как умылся и промыл рану водой.

Прошел на кухню, опустил жалюзи. Он выключил свет, встал спиной к стене, чтобы его не заметили снизу из двора и выглянул наружу. На огороженной железной сеткой территории устроили парковку автомобилей. Кажется, никого нет. Он постоял еще минуту и увидел женщину в восточной одежде, бурке и хиджабе, закрывающем лицо. Женщину выпустили на прогулку. Она доходила до сетки, поворачивалась, шла обратно, и снова поворачивалась. От кого скрывать лицо поздним вечером? Вскоре кто-то позвал ее, прогулка была закончена.

В шкафчике стояла почти полная бутылка виски, он сделал глоток прямо из горлышка, как тот бродяга. Нашел на полке аптечку и чистое полотенце. В спальне он включил все осветительные приборы и сел перед трельяжем, разложив на нем аптечку. Надо спешить, скоро кожа вокруг раны станет дряблой, тогда нитками ее уже не стянуть, шва не получится. Через месяц на месте ранения появится большой розовый рубец. Надо сейчас. Он достал двухпроцентный раствор лидокаина, сделал несколько инъекций, подождал пару минут. Вдел хирургические нитки в ушко кривой иголки и приступил к делу. Шов получился не самым красивым, но на скорую руку сойдет.

Он прошел в большую комнату, включил телевизор, лег на диван и стал ждать местных новостей. Показали короткий репортаж о перестрелке в гараже офисного здания, но никаких подробностей не сообщили. Разин подумал, что надо перекусить и лечь в кровать, с этой мыслью он заснул. Снилось ему та женщина, гулявшая во дворе, только теперь она поднялась в его квартиру и продолжала ходить здесь, от стены к стене и обратно. Чувствуя безотчетный страх, он закрыл глаза, женщина исчезла. Но остались ее тяжелые шаги и скрип половиц. Он хотел сказать, чтобы она уходила, иначе он не уснет, но был так слаб, что не мог пошевелить языком. Проснувшись под утро, выключил телевизор и снова заснул.

Утром он долго сидел на краю кровати и думал, что дальше не сможет выполнять свою работу, не сможет жить прежней жизнью, торговать в магазине, встречаться с бандитами, отвечать головой за миллионы чужих долларов, пусть его забирают в Москву, куда угодно...

По новостям передали, что в офисном центре в жестокой перестрелке с полицией убит криминальный авторитет Генри Уилсон и несколько бойцов из его бригады. Ближе к вечеру передали, что в Куинсе обнаружена машина с трупом Стивена Уилсона, брат которого погиб в перестрелке накануне вечером. Разин слушал новости невнимательно, его знобило, поднялась высокая температура. Когда стемнело, он нашел силы прошагать несколько кварталов, подальше от дома, позвонил Саше Липатову и попросил его приехать завтра вечером в пивную «Черная метка», до нее от квартиры полчаса пешком.

Они встретились на следующий день, устроились за одним столиком. Липатов, мужчина лет сорока, среднего роста, с короткой стрижкой, сказал, что есть новости очень плохие и хорошие. То есть не совсем хорошие, но более или менее. Начал с плохих новостей. Оба помощника Разина, которые страховали его в подземном паркинге, – убиты на месте. Новость обнадеживающая – имя Эрика Бергера ни разу не прозвучало ни по радио, ни по телевизору. За два последних дня ни домой к Разину, ни в его магазины полицейские не приходили. Марта сказала, что из полиции никто не звонил, да и вообще никаких звонков не было, кроме рекламы.

Еще есть информация из Москвы. Там все очень взволнованы этой историей. Они хотят знать подробности. Спрашивают, в каком состоянии Разин и что с посылкой. Разин попросил передать в Москву, что, в он в порядке, но сейчас не может вернуться домой или в свой магазин, он боится полицейской засады, возможного задержания и судебного разбирательства. Перед тем, как возвращаться домой, надо привести справки в полиции, что и как, через человека, которого Липатов хорошо знает. Разину надо полежать на дне пару недель и подождать, когда все немного уляжется. Адреса квартиры, где он живет, лучше никому не знать. Посылка у него.

– Больше не звони Марте, – сказал Разин. – Зайди к ней завтра в госпиталь. И скажи, что у меня все хорошо. Что скоро я появлюсь.

– Ты выглядишь так... Словно с того света сбежал. На каникулы. Я могу достать лекарства. Тебе еда нужна.

– У меня есть лекарства, – сказал Разин.

– Давай хоть до дома довезу?

– Спасибо. Но ты же знаешь правила.

Разин поднялся и ушел в дождь и темноту. Путь до квартиры отнял почти целый час. Он вошел в спальню, кое-как снял мокрую одежду, упал на кровать и впал в забытие, это были то ли сон, то ли явь, наполненные образами знакомых людей, каких-то событий, встреч, расставаний, поездок в метро, скором поезде и автомобиле... Все это длилось бесконечно долго и кончилось ничем.

* * *

В следующий раз он встретился с Липатовым через неделю в закуской возле железнодорожного склада. По-прежнему новостей из полиции не было. Убийц братьев Уилсон искать еще не начинали и не хотят начинать. В Москве начальство по-прежнему волновалось за Алексея Разина. Они хотели знать, где он находится, спрашивали адрес. Друзья в Москве навестили его жену, отвезли ей продуктов и кое-какие мелочи к Новому году, искусственную елочку и подарки. Татьяна передавала Алексею, что ждет его и любит, поздравляла со скорым Рождеством. Трогательно...

Почему сейчас они вспомнили о Тане? Что это за визиты друзей и подарки?

Раньше, кажется, такой товарищеской заботы со стороны начальства не наблюдалось. Этот язык недомолвок и полунамеков он давно научился понимать. Возможно, они боятся, что Разин решил не возвращаться. Он набил чемодан драгоценностями и золотом, для отвода глаз устроил разборку с местечковыми гангстерами и забился в глубокую нору. А сам втихаря купил билет в один конец и даже не хочет попрощаться. Наверное, они и вправду волнуются, что он уйдет, как вода в песок, а им отвечать перед самым большим начальством.

Поэтому его попросили не забывать, что Таня у них в Москве, она человек, у нее только одно здоровье, пока, слава богу, хорошее. И жизнь одна. Сейчас они ждут, какое решение примет Разин. А он уже две недели валялся с высокой температурой, витая где-то между небом и землей, и только первый день чувствует себя скорее живым, чем мертвым.

– Меня вызывают в Москву, – сказал Липатов. – Командировка должна была продлиться без перерыва еще не меньше года. Но уже через неделю улетаю. На следующую встречу вместо меня придет другой человек. Он тебя найдет. Они пишут, что представили меня к внеочередному званию. Пишут, что мой отпуск продлится минимум три месяца. Давно хочу в Сочи съездить...

– С чего бы они решили отозвать тебя в тот момент, когда ты мне нужен?

– Ну, кажется, обстановка уже немного разрядилась, – ответил Липатов. – Ты почти в порядке.

Через неделю Разин вернулся домой. Там все было по-старому. Марта работала в госпитале медсестрой и волновалась за него, когда он пропал неизвестно где. Она осмотрела рану, шов, оставшийся после самодеятельной операции и только головой покачала. В магазине дела шли своим чередом, за две недели Джон распродал все иконы, даже те, которые залежались еще с прошлого лета. Кроме того, он удачно продал несколько золотых безделушек с камешками. Выручка не бог весть какая, но и не самая маленькая.

Вскоре дал о себе знать новый человек, который временно замещал Липатова. Они назначили встречу в закусочной «Вверх и вниз», которую из-за низких цен на обеды обожали туристы. Человека звали Майклом. Это был худощавый мужчина лет пятидесяти с вытянутым лицом, он носил очки в пластиковой оправе, ездил на «плимуте» и выглядел последним провинциалом. Наверное, он хотел произвести на Разина хорошее впечатление, поэтому все время улыбался.

Майкл передал бумажку, исписанную цифрами, съел комплексный обед и уехал. Вернувшись, Разин ознакомился с содержимым московского письма. Начальство приказывало соблюдать все меры предосторожности, по возможности не жить дома и менять места ночевки, далеко не ездить, в общественных местах не появляться и прочую чепуху. Главное: он получил приказ возвращаться в СССР через Канаду. Нужно добраться на машине до Торонто, взять авиабилет до Парижа, а дальше поездом в Москву. На сборы дали месяц, наверное, они бы выдернули его из Америки хоть завтра, но предстояло много дел.

Через пару дней снова дал знать о себе новый связник Майкл. Разин получил известие, что с ним хочет встретиться человек, который специально приехал сюда ради этого. Разин плохо спал, чувствуя приближение страшной неотвратимой беды, которая обязательно случится или уже случилась. Под вечер он оказался в закусочной «Красный лобстер», заказал кружку пива. В туалете курил Майкл, он сказал, что человек уже ждет в мотеле «Пирамида». Это прямо по шоссе, примерно восемь миль.

* * *

Разин, стараясь не волноваться, выпил вторую кружку пива, сел в машину и вскоре оказался в мотеле, взял номер на втором этаже. Оставив дверь открытой, он сидел на кровати и смотрел телевизор. Вскоре вошел мужчина, грузный, с сединой на висках, одетый как гробовщик, в белую рубашку и черный костюм. Разин уже понял, какое известие его ждет. Он поднялся на ноги.

Человек представился Глебом Сергеевичем, наверное, это было вымышленное имя, и сказал:

– Ваша жена погибла. Я, собственно, приехал, чтобы вас подготовить... Но вы, видимо, обо всем догадались, как только меня увидели. Или даже раньше.

Разин сказал первое, что пришло в голову, что он хотел услышать в ответ:

– Это несчастный случай? Что там случилось...

– Можно мне сесть? – человек закрыл дверь и опустился в кресло, но сидеть ему было неуютно и неловко. – Слушайте, соберите свое мужество. Все, которое у вас есть. Оно вам пригодится... Я не умею ходить вокруг да около. Поэтому буду говорить напрямик, без сантиментов. Короче... Татьяна Федоровна умерла насильственной смертью. Но мучилась, видимо, недолго. Она была задушена неизвестным преступником. Тело оставили на обочине проселочной дороги в Подмосковье. Оно пролежало там, может быть, сутки или чуть больше. Поверьте мне: сейчас в Москве делают все, чтобы быстро найти убийцу. И обязательно найдут. К расследованию подключены лучшие сыщики.

– Когда это случилось?

– Затрудняюсь назвать точную дату. Она пропала перед Новым годом. Нашли ее через несколько дней.

– Почему мне сразу не сообщили?

– По словам Липатова, вы были ранены, потеряли много крови. И ко всему еще и нездоровы, – Глеб Сергеевич мял пальцами сигарету, пока не сломал ее. – Кроме того, вы жили на съемной квартире, адреса которой у связника не было. Когда вы немного пришли в себя, в Москве решили подождать с плохими известиями еще несколько дней.

– Подождать? – тупо переспросил он.

– Ну, да... Я же все объяснил. Ваши кураторы уверяли меня, что в те дни вы, ну, были не в лучшей форме.

– Тело сейчас в морге? Я хочу попрощаться...

– Ее уже кремировали и захоронили урну с прахом рядом с могилой ее матери. Вроде бы ваша супруга хотела именно там... Тянуть с похоронами было нельзя. Она и так долго лежала... Сначала там, на талом снегу. Потом двенадцать дней в судебном морге. Делали вскрытие и некоторые важные исследования, и экспертизы для следствия. Да, тянуть с похоронами было нельзя.

– Мне разрешат уехать отсюда прямо завтра?

– Зачем так спешить? Вы должны довести до конца кое-какие дела. Кроме вас это некому сделать. Торопиться уже нет смысла. Да и вам надо успокоиться, в себя прийти. Такая темная полоса...

Человек достал из внутреннего кармана стальную фляжку, довольно емкую, и стаканчик. В другом кармане лежали бутерброды с охотничьей колбасой, заправленные горчицей. Они разговаривали около часа, потом человек ушел. Тем же вечером Разин вернулся в Нью-Йорк.

Глава 6

Визитная карточка, которую оставил Стивен Платт, давно сгорела в камине. Но домашний и служебный телефоны Разин запомнил. Утром, поднявшись с кровати, он выпил кофе и доехал до здания почты. Позвонил из автомата Стивену и сказал, что был занят в последний месяц, но сейчас немного освободился и может встретиться у автобусной станции на окраине Куинса и объяснил, как туда удобнее добраться.

Они встретились у кассы, где продавали билеты на междугородние поездки, вышли из зала и повернули к деревьям, за которыми угадывались крыши двухэтажных коттеджей. Платт, расстегнув плащ, неторопливо шагнул по аллее.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Нормально, – ответил Разин. – Собственно, я приехал, чтобы дослушать историю о моем связнике. После этого я все решу.

– Я так и подумал, что вы захотите узнать продолжение.

Платт говорил негромко, иногда подносил ладонь к лицу, будто боялся, что его рассказ услышат или прочитают по губам. Но никого вокруг не было. Они миновали ряд пустых автобусов и пошли по асфальтовой дорожке вдоль края молодой рощицы. Разин почти не задавал вопросов, это бы путало и сбивало рассказчика.

Платт, чтобы ничего не пропустить, рассказывал с самого начала.

Он повторил, что в то самое время, когда Уильяму надо было улетать, в Нью-Йорке появились два приятеля из Лимонии, условно Пол и Влад. Эта троица неплохо отдохнула в парочке местных ресторанов. Но, при таком скопище народа, было трудно поговорить по душам. Они решили увести Вилли туда, где им не будут мешать. Его вывели из злачного места через черный ход, заковали в наручники, заткнули в фургон. И повезли в другой город, не так далеко от первого.

А в другом городе жил некто Джон. Он не был обременен семьей, сидел один в старом викторианском доме с толстыми стенами и глубоким подвалом. Он занимался коммерцией и никогда не был знаком с Полом и Владом. Но в определенном смысле эти парни были для Джона начальством. Они работали в той же фирме. Только Джон на периферии, а они непосредственно в Лимонии, в центральном аппарате.

Так вот, эти приятели с полдороги позвонили Джону, разбудили среди ночи и сказали, что скоро приедут. Надо подготовить место в подвале, где можно спокойно поговорить с одним человеком. И еще нужны две кровати или хоть матрасы, на которых можно выспаться. Неделий раньше из центрального офиса Джону пришло сообщение, что к нему, возможно, заедут друзья, их надо будет хорошо встретить. Правда, в том сообщении ничего не было сказано про подвал и про Вилли.

Короче, они приехали, поставили фургон под тентом на заднем дворе. И втроем перебрались в подвал. Разговор продолжался часа два, потом они выдохлись, вдвоем поднялись наверх, перекусили, выпили немного. Джон спросил их, что за человека они привели, и что вообще происходит. Но ему ничего не ответили. Гости спустились в подвал и продолжили, а Джон остался в кухне. Он не мог ждать без дела, встал, помыл посуду. Голоса снизу были плохо слышны, ведь подвал глубокий. Разговор шел на высоких тонах, переходил на крик. Джон поднялся наверх, в свою спальню. Сидел на кровати и не знал, что делать. Честно сказать, ему было страшно.

Джон не был рафинированным интеллигентным чистюлей, он прошел трудную школу жизни и кое-что видел на этой грешной земле, но пачкаться кровью не привык. Он ненавидел пытки. Очень трудно просто сидеть на своей кровати со вчерашней газетой, когда слышишь,

как внизу о чем-то просит и плачет взрослый мужчина. Конечно, звуки приглушенные, можно включить радио и все исчезнет. Но нет, с радио только хуже.

* * *

В глубине сознания сидела одна мыслишка. Он думал, что этот страшный эпизод имеет или будет иметь отношение к нему, как-то коснется, заденет, так что теперь старая жизнь кончилась навсегда. И от этих мыслей становилось не по себе, становилось страшно. На втором этаже были две гостевые спальни, одна хозяйская и еще была библиотека, небольшая комнатка, где стояли шкафы с книгами. За одним из шкафов был тайник с оружием и еще кое-какие полезные мелочи. В подвале стоял отопительный газовый аппарат, который нагревал воду для бытовых нужд и обогревал дом, от него теплый воздух через вентиляционную систему поступал в комнаты.

Наш герой расчехлил спрятанный за полками диктофон, отвинтил решетку и по вентиляционному коробу спустил вниз микрофон на длинном шнуре, библиотека как раз над той частью подвала, где шел разговор. Джон как-то уже проделывал такой трюк и точно знал, что аудиозапись будет более или менее качественной, он услышит все, что будут говорить внизу. Погасив свет, он спустился вниз и сел с газетой на кухне. Люди внизу иногда делали паузы и, без разгона, начинали снова кричать. Этот крик становился все громче и громче и вдруг затихал. Минут десять стояла тишина. Снова слышались голоса, громче, еще громче... И наступала тишина. Джону казалось, что он слышит, как незнакомец внизу плачет.

Наверх поднялся Влад. Он был в футболке и трусах, потный, с горящими глазами. Он плеснул в стакан из бутылки, что осталась на столе, выпил, хотел уйти, но вернулся и, не сказав ни слова, вымыл руки в кухонной мойке, захватил с собой бутылку и стакан. Потом наверх поднялся Пол. Из одежды на нем были только трусы. Ладони были испачканы кровью, бурые брызги на бедрах и на животе. Он посидел минут десять и спросил, есть ли еще виски или водка.

Джон принес бутылку и спросил, нельзя ли отложить разговор, уже светало. Всем нужно было немного отдохнуть. Пол покачал головой и сказал, что ему эта возня тоже удовольствия не доставляет, времени мало, надо все кончить сегодня, прямо сейчас. Это мучение продолжалось еще около часа, а потом, уже в первых рассветных сумерках, голоса стихли. Стало ясно, что все кончилось, что Вилли больше не будет кричать. Так и вышло.

* * *

Эти двое поднялись наверх, приняли душ и выпили по стопке. Они были уставшими и грустными, какими-то разочарованными, будто не услышали того, что хотели. Или наоборот: услышали то, что не хотели знать. Они сидели, курили и говорили на отвлеченные темы, о какой-то женщине, общей знакомой, которая строит из себя недотрогу, но по жизни сучка еще та, ее только ленивый не трогал. Потом перешли на тему рыбалки, Пол рассказывал, как он ездил куда-то далеко в командировку, но служебные обязанности ограничились ловлей на удочку форели.

Пол сказал, чтобы Джон в подвал не спускался и не пробовал выяснить, что там произошло. Они уедут, как только выспятся. Они сказали, что сегодня под вечер появится человек, приятный в общении, он все устроит и приведет подвал в порядок. Только не надо ему мешать и лезть с расспросами. Они поспали часов шесть, поднялись и уехали.

У Джона было желание сунуться в подвал и посмотреть, что там, но он помнил, что всегда любопытство оборачивается неприятностями. Джон не спускался вниз и ждал гостя до позднего вечера, ждал его весь следующий день, но тот появился только вечером третьего дня,

приехал на пикапе «форд». Среднего роста, с усиками, в темном плаще, в руках здоровенная сумка, видимо тяжелая. Он вежливо поздоровался, пожаловался на капризы погоды и спустился в подвал.

Джон ушел из кухни и сел перед телевизором. Ближе к ночи человек попрощался, сел в пикап и уехал. В подвале было чисто, ни капли крови, ни грамма человеческой плоти. Пахло какой-то химией. Была сломана дверь и фанерная перегородка между технической частью подвала и мастерской. Проломлена, будто и ее кувалдой обработали. Большой складной стул был тоже сломан, а его сломать чертовски трудно. В одном месте по полу разлита белая краска, уже засохшая.

Инструменты, молоток, клещи, садовая пила, лежали не на своих местах. Этот человек в плаще, чтобы избавиться от микрочастиц, пригодных для анализа полицейскими экспертами, разлил какой-то пахучий гель, дрянь вроде жидкой хлорки, все ей опрыскал. В мастерской из-за химических ароматов, которыми там пропитан каждый дюйм, трудно стало работать, долго находится. Потом Джон все это убрал, но запах остался.

Запись на кассете была не лучшего качества, видимо микрофон во время своего путешествия по вентиляционному коробу зацепился за что-то в середине пути и до подвала не добрался. Но многие слова разобрать можно. Платт понял, что речь идет вроде как о его коллеге, который работает в Нью-Йорке и занимается продажей антиквариата. Товар на продажу присылают в Америку из Лимонии, через Европу. Короче, так он узнал о существовании Разина.

* * *

Теперь небольшое отступление. Антиквариат, ювелирные украшения, золото в изделиях или монетах, этот товар продают, а выручку, в основном наличные или банковские чеки на предъявителя помещают в тайники, но не в банки. Как известно, в Америке нельзя хранить наличные в депозитарных банковских сейфах. Точнее, на свой страх и риск хранить, конечно, можно, кто этому помешает... Но, если хозяин депозитного сейфа вдруг скончается, его наследники попадут в переплет. Мало того, что полицейские будут присутствовать при открытии сейфа, они еще и опись составят, а главное, изымут наличные.

А пострадавший будет бегать по судам, доказывая, что деньги нажиты праведным трудом. А это трудно доказать, особенно если доказательств нет. Короче, банки Разин, он же Эрик Бергер, обходил стороной, оставляя выручку в квартирах-тайниках. Доходы ловко маскировал, чтобы оптимизировать налоги. Разин так наострился, что ему не был страшен ни один налоговый инспектор.

Но одну из тайных квартир обворовали (это случилось за пару месяцев до расправы над Уильямом). Нагрянули воришки, отключили сигнализацию, покопались под полом. В Лимонии хотели выяснить, кто наводчик, кто вор и где деньги. На прицел к ним первым попал бедняга Вилли. От него надеялись услышать что-то важное о Разине, может быть, это он постарался. Но Вилли ничего не знал.

Магазин, принадлежащий Разину, торгует антиквариатом. Много старинного фарфора, напольные вазы, расписанные вручную, серебряная посуда и столовые приборы, дорожные безделушки. И конечно же, ювелирные изделия, – много интересных вещей. Разин купил еще одно помещение, по заданию Лимонии хочет расширить бизнес, торговать старинной мебелью и картинами европейских мастеров. Дело весьма прибыльное.

И вдруг эта неприятность с Вилли. Теперь Разин знает всю его историю. Она заставит задуматься о том, что воры могут проникнуть всюду. От этого нет страховки. И, если тебя обворуют, доверие кончится, никому не сделают поблажек за долгу службу.

Они присели на скамейку, помолчали. Стало холоднее, подул ветер, они выкурили по сигарете и пошли обратно.

– А что с той кассетой? На ней есть что-то еще, что-то важное?

– Нет, ничего особенного. Вот дубль. Я переписал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Послушайте на досуге, – он отдал Разину кассету в футляре. – Кстати, я написал вам длинное письмо. Изложил то, что собираюсь делать в ближайшее время, чему посвящу остаток жизни. Вот оно. Прочитайте и сожгите.

Платт сунул в ладонь Разина пару исписанных листков. – Пока вы не уехали в Москву, мне нужно знать ответ.

– Дайте два дня. В среду вечером я позвоню. И, возможно, приеду в Бостон к шести.

– Что ж, прощайте, – Платт улыбнулся. – Разрешите мне уйти первым.

Разин постоял немного, вспоминая, где оставил машину, свернул на боковую аллею, усыпанную гранитной крошкой, прошелся вдоль ограды из красного кирпича. Вышел на другую аллею, посмотрел на часы и вспомнил, что обещал жене заехать в магазин за продуктами. В машине он слушал кассету. Сомнений нет, в подвале пытали Ткачука.

Глава 7

Алексей Разин приехал в Бостон дождливым вечером, остановил машину на противоположной стороне улицы и некоторое время просто сидел, разглядывая витрину антикварного магазина. Ровно в шесть Платт повесил на двери табличку «закррито». Через пять минут Разин перешел улицу, нажал кнопку звонка. Платт, сидевший в кресле спиной к двери, поднялся и впустил гостя.

Торговый зал был довольно большим, со вкусом оформленным. Преобладали черные, золотистые и серебряные краски, освещение не слишком яркое. В левой половине магазина был выставлен коллекционный фарфор, бронза и столовое серебро, справа иконы. Из полумрака с образов на них смотрели лики святых, будто живые люди. Под этими взглядами Разин всегда чувствовал себя грешником, которому уже поздно думать о спасении души.

Они спустились в подвал, похожий на подвал под магазином в Нью-Йорке, только этот был поглубже и больше. Тут были специальные стеллажи для хранения икон и произведений живописи, в отдельной комнате в стену были замурованы два сейфа с дорогими побрякушками. Платт, закончив показ своих владений, открыл стальную дверь в небольшую комнатушку, почти пустую, там стоял стол и четыре стула. Он сказал, что стены и потолок с секретом, под сухой штукатуркой листы меди, свинца и еще кое-что. Прослушать разговоры в этой комнате невозможно даже при помощи самых хитрых жучков.

Разин сел к столу, на котором стояли бутылки с водой и кофейник с чашками. Платт запер дверь и сел напротив.

– Я должен вернуться в Нью-Йорк завтра утром, – сказал Разин. – Времени не густо. Наверное, вы собрали обо мне много информации. Я о вас тоже кое-что знаю. Поэтому мы можем приступить к делу без долгих преамбул. На все ваши вопросы или предложения обещаю сегодня же ответить. С чего начнем?

– У вас неприятности?

– Неприятности – слабо сказано. Не хотел об этом говорить, но не могу и не сказать. Сначала возникли проблемы с оптовым покупателем. Правда, к этому все и шло. И я сумел как-то подготовиться, но все же сплеховал. Началась стрельба, погибли люди... Я сам едва выбрался живым. Но это только начало... В Москве трагически погибла моя жена. Обстоятельства, какие-то подробности, мне почти неизвестны. Пришел приказ: меня отзывают, через две недели я буду в Канаде, а потом в Европе. Не уверен, что вернусь назад. Но я все обдумал и решил поговорить.

– Мои соболезнования. Даже не знаю, что говорят в подобных случаях. Вы уверены, что ваши проблемы, ваша личная драма не помешает...

– В нашей работе никогда не знаешь, что помешает, а что поможет.

– Но вы сами более или менее в порядке?

– Более или менее.

– Хорошо, – кивнул Платт. – Постараюсь коротко. Последние годы я занимаюсь не только агентурной работой и прочими прелестями нелегальной деятельности. Я сосредоточен прежде всего на торговле драгоценностями и антиквариатом, который получаю из Москвы. А выручкой распоряжаюсь, как прикажут. Передаю доверенным лицам или помещаю в хранилище. Но во всей этой деятельности стало слишком много воровства, мошенничества, злоупотреблений, о которых, я считаю, не известно первым лицам КГБ. В том числе председателю Комитета Юрию Андропову. Вы занимаетесь в Нью-Йорке примерно теми же вопросами, что и я в Бостоне. И проблемы у вас похожие. Но позвольте мне начать с начала. Сказать пару слов о себе.

Стивен Платт стал пристально смотреть куда-то в пространство, словно в свое прошлое. Он сказал, что без малого тридцать лет назад, когда согласился работать на русских, он был молодым человеком из уважаемой и богатой семьи, имел свое суждение обо всем, широкий кругозор и приличное образование и уже был доктором изящных искусств. Нет, русские не ловили его на каких-то страшных проступках, не шантажировали, не покупали за большие деньги. С ним работали люди из КГБ, он называл их друзьями, и сотрудничество с русской разведкой считал своим сознательным выбором. Да, ему было двадцать семь лет...

В те годы он еще оставался наивным парнем. Ему казалось, что СССР в некотором смысле – прообраз будущего Америки, казалось, что в Союзе люди живут небогато, но честно, справедливо. В этом он убедился во время своей первой поездки в Москву и в Северную столицу, поездки, разумеется, совершенной под контролем КГБ, тогда ему показали именно то, что он хотел увидеть: люди строили новую жизнь, был душевный подъем, уверенность, что завтра будет лучше и так далее.

Природу скудности российской жизни было нетрудно понять. Страна вынесла на себе основной груз Второй мировой войны, по сей день чуть не треть бюджета шло не на то, чтобы хорошо одеть людей и накормить их. Деньги шли на вооружение, советским людям надо иметь сильную армию. Будет правильно помочь России в создании оборонного потенциала, – так думал Платт. Все это было так давно, что, кажется, что и не с ним вовсе.

Позднее он не раз жалел о своем решении. Но с поезда, на который он сел, нельзя было сойти на первой остановке и вернуться.

С перерывами Платт прожил в Москве почти три года, потратив это время на специальную подготовку в школе сто один, как тогда называли базу, где готовили разведчиков. Периодически он возвращался в Вашингтон, там жила семья. А потом через третьи страны летел обратно в Москву, летом он отдыхал в Сочи и в Ялте, крутил роман с русской девушкой, и не одной. В Америке выполнял задания Москвы, которые касались политической разведки.

Отец Платта был дружен с двумя сенаторами, жертвовал крупные суммы Демократической партии. Он открыл сыну двери в дома людей, которые занимались реальной политикой. Весьма значительные особы запросто приглашали его в гости или на партию в гольф. Платт был человеком на своем месте. В Москве ценили его работу, награждали орденами, но...

* * *

Двенадцать лет назад все изменилось. Шло перевооружение советской армии, Советам были нужны компьютерные процессоры и интегральные схемы, а лучше всего, – уже готовые производственные линии. Но у Москвы иностранной валюты было до смешного мало, а ту, что была, тратили в основном на закупку за границей зерна.

По приказу из Москвы Платт переехал из Вашингтона в Бостон, ушел в тень, открыл ювелирный магазин. Линии для производства микрочипов и интегральных схем в Америке продавались, но к вывозу во многие страны, в том числе социалистические, были запрещены. Предстояло наладить контрабанду электроники в третьи страны для дальнейшей переправки в СССР.

Из Москвы через Германию, Италию и Францию стали поступать на продажу некие ювелирные изделия. Тогда Платт приоткрыл для себя темную историю Гохрана, его секретов. Большевики, едва встав на ноги, бросились продавать за границу золото и драгоценные камни. Однако торговать в Европе антиквариатом, с которого еще не смыта кровь прежних владельцев, не решались. Скандалов никто не хотел. Пришла идея ликвидный антиквариат переправлять в США и продавать через доверенных людей.

Распродажи затянулись, цены долгое время оставались низкими, – русская старина медленно входила в моду. По окончании Второй Мировой войны частично уже распроданные цен-

ности Гохрана, были пополнены антиквариатом и драгоценностями, вывезенными после Второй Мировой Войны из Европы.

* * *

Но в Москве решили расширить дело, приказали нанять дополнительный персонал и открыть второй магазин, там реализовывали, в основном, старинные русские и европейские ювелирные изделия. Партии товаров становились все больше. Часть антиквариата и драгоценностей поступала контрабандой, уходила за наличные, деньги оседали в квартирах-сейфах. Другую часть товара Платт, бывавший в Европе, якобы покупал у тамошних антикваров и ювелиров и перепродавал на родине, с доходов платил налоги.

Руководили этой деятельностью два опытных генерала КГБ, еще из старых кадров. Позже куратором стал молодой генерал-майор Павел Ильич Деев, когда-то работавший в Америке под дипломатической крышей, и полковник, тоже относительно молодой, Иван Андреевич Колодный, он в свое время работал в миссии СССР при ООН.

Со сменой начальства стали присылать больше товара. Рекомендовали повысить обороты, делать большие скидки постоянным клиентам и продавать драгоценности людям сомнительным, с криминальным прошлым, которым надо отмыть грязные деньги, – лишь бы поток наличных не обмелел. В Москве совсем не разбираются в специфике этого бизнеса и тонкостях продаж.

Платт убежден, что куратор этой операции генерал Деев вносил в дело суету и неразбериху, подключая сомнительных людей, чтобы прикарманить часть денег. В итоге, по подсчетам Платта, на нужды разведки было использовано не более тридцати-сорока процентов выручки, а остальное было расхищено и растрчено.

Возможно, председатель КГБ Юрий Андропов неправильно информирован о том, что здесь происходит. Но как все исправить? Теоретически, Платт может приехать в Москву, записаться на прием к всемогущему председателю КГБ. Андропов его хорошо знает, дважды награждал Платта государственными наградами. На приеме можно рассказать о том, что здесь происходит, подать рапорт, где будут описаны подробности. Нужно, чтобы на самом верху провели расследование группы генерала Деева.

Но надо быть реалистом: вероятность, что Платт запишется на прием к Андропову и до него доживет, – ничтожна. Поэтому, надо действовать иначе. Старый, еще с молодости, приятель Платта, некий Глеб Борецкий, работает помощником генерального прокурора СССР, год назад при встрече он вызвался помочь. Разину предстоит встретиться с Борецким и узнать, готов ли он действовать прямо сейчас, не откладывая. Если он согласится, Платт прилетит в Москву в течении недели, по чужим документам, разумеется.

* * *

Закончив рассказ, Платт вытащил из папки машинописные страницы на русском языке и придвинул бумаги к Разину:

– Вот письмо для Генпрокуратуры. Тут десять страниц. Есть тоже самое письмо, но более подробное, на сорок страниц. Но сначала почитайте это. Здесь подробности о некоторых произведениях искусства, которые по настоянию Москвы были проданы за чисто символические деньги. Подобных примеров много.

– Вы сможете выполнить в Москве мою просьбу? Например, встретиться с Борецким, передать письмо. Текст придется выучить наизусть. А в Москве купите пишущую машинку и напечатаете.

– Я постараюсь.

– Но сначала надо встретиться с Гриценко. Этот человек из Внешторга ездил в краткосрочные командировки за границу, бывал в Америке, здесь мы запросто встречались. Он забирал у меня фотографии кое-каких ювелирных изделий и показывал их московским экспертам. А те делали описание и приблизительную оценку. Со временем собрался большой архив. Но случилась какая-то неприятность, Гриценко больше не выпускают за границу. Точно знаю, что он на свободе и живет по старому адресу. Надо встретиться с ним, выяснить, в каком состоянии архив и забрать его. За услуги Гриценко уже получил весьма щедрую оплату. Я ему ничего не должен.

– Понял, я попробую. Вы упоминали вторую часть архива, которая касается икон.

– Да, Карпова Нина Ивановна, бывший эксперт Гохрана. Несколько лет она составляла архив икон, которые были здесь проданы. Когда вышла на пенсию, переехала из Москвы в Коломну. Нужно забрать ее бумаги.

– Еще что-нибудь?

– Снимите две-три квартиры в Москве. Чтобы я, когда приеду, мог там жить без регистрации. КГБ наверняка будет доносить вас проверками, прослушкой, слежкой. И вам самому потребуется запасная квартира. Сейчас зима, можно использовать зимнюю дачу где-нибудь в ближнем Подмосковье. Кроме того, по подложным документам на чужие имена надо будет купить два-три автомобиля. Чтобы передвигаться по городу более или менее свободно. Документы, рубли и валюта, – не проблема.

– Можно попробовать и еще один вариант, – сказал Разин. – Моя хорошая знакомая вхожа в Комитет партийного контроля СССР. Она сможет оставить письмо на столе Арвида Яновича Пельше. Если старик прочитает, он наверняка заинтересуется.

– У вас есть знакомая, вхожая в кабинет Пельше? – Платт привстал. – С этого надо было начинать.

– Но ей нужен чистый паспорт, чтобы выехать из Союза. И некоторая сумма наличных, чтобы прожить за границей хотя бы три-четыре месяца.

Разин уехал далеко за полночь. На полдороге он так захотел спать, что остановился в мотеле, заказал пиццу и проспал девять часов.

Глава 8

Генерал-майор КГБ Павел Ильич Деев добрался до места не на служебной машине, а на метро, до станции Колхозная. Дальше – пешком по Сретенке в сторону центра, вдоль бесконечного ряда двух-трехэтажных купеческих домов постройки девятнадцатого века. И в будний день, даже в такую погоду, прохладную и дождливую, народа было много. Он шагал неторопливо, потому что приехал раньше, спешить было некуда. В раскрытый купол зонта, с модной бамбуковой ручкой, барабанили капли. Лица людей, попадавшихся навстречу, были невеселые, глаза настороженные, с прищуром, будто граждане высматривали среди прохожих жулика, от которого когда-то пострадали, и теперь были готовы его скрутить и доставить куда надо.

Деев миновал кинотеатр «Уран», маленький, устроенный в двухэтажном доме. На противоположной стороне увидел магазин «Рабочая одежда». И вспомнил репортаж с фотографиями в американском журнале «Лайф». Недавно здесь продавали джинсы отечественного производства из фирменной импортной ткани, простроченные красными нитками. Поверх задних карманов пришита косичка из того же материала – ни к селу, ни к городу. Пятьдесят рублей пара, если с рук – за сто... Американцы писали, что очередь за этими тряпками растянулась на километр, при входе случилась такая давка, что женщине ребра сломали, здоровенные мужики перли напролом, покупали по десять пар...

Он свернул в переулок, спускавшийся к Цветному бульвару. Еще метров сто, глубокая арка, подъезд, выходящий окнами во внутренний дворик. Он поднялся на последний пятый этаж. Дверь открыл мужчина много младше Деева, лет тридцати семи, с приятным лицом, темные волосы зачесаны назад, глаза зеленоватые. Это был оперативник из второго главного управления КГБ майор Виктор Орлов. Деев давно знал майора как человека ответственного, умеющего думать. В квартире было тепло, пахло чаем и табачным дымом. Они поздоровались за руку, гость повесил плащ на старинную настенную вешалку с медными крючками и тусклым овальным зеркалом, поставил в угол зонтик.

По делу, которое их свело в этот раз, они уже встречались, но сюда, на квартиру для особых конфиденциальных визитов, генерал Деев попал первый раз. Оказавшись в новом месте, он из интереса заглянул на кухню, выходящую окнами во двор, и во все комнаты. Вернулся в гостиную, обставленную по-домашнему, там был старинный кожаный диван с высокой спинкой, этажерка с никогда не читанными книжками, декоративными вазочками и пятью фарфоровыми слониками. Когда-то были еще два, но их разбили во время допроса. Тогда и обои попортили, оконную раму и даже на потолке оставили какие-то темные пятна.

На круглом столе у окна – пепельница из прессованного стекла и две папки с тесемками. Деев присел на венский стул, выложил из кармана пачку американского «Уинстона» и зажигалку «Браун», обтянутую полированной змеиной кожей. Орлов, не спрашивая, нужно или нет, по-свойски, принес из кухни поднос с чашками, заварочный чайник, кусковой сахар и пакетик сухек.

– Хорошее помещение, – сказал Деев. – Не хватает кошечки или собачки, декоративной. Посадить ее на диван, и вот он, – полный мещанский набор.

Деев не был похож на штабных генералов. Красивое лицо, темные с проседью волосы зачесаны назад, тонкие усики, темные глаза внимательно следят за собеседником, словно заглядывают в душу. Одевался он так, как мог позволить себе человек с возможностями и хорошим вкусом. Сейчас на нем был темно-серый, сшитый на заказ костюм, оксфордские черные ботинки, голубая рубашка и бордовый в синюю полоску галстук с золотой заколкой.

– Да, удобное место, – кивнул Орлов. – Мы похлопотали, чтобы соседей снизу отселили. Там была коммунальная квартира, два ребенка. А сюда иногда доставляли людей, с которыми надо поболтать, так сказать, без официальных процедур. Без писанины... А мы, бывало, заси-

живались за своими разговорами. Жильцы снизу бросились жалобы писать. Сразу председателю Моссовета Промыслову и первому секретарю МГК КПСС товарищу Гришину: требуем принять меры...

Деев хотел сказать, что в эту квартиру, где оперативники допрашивают без протокола всякую нечисть, хорошо бы доставить товарищей Промылова и Гришина. И с ними поговорить накоротке, без свидетелей. Спросить, как могло до того дойти, что сейчас, в начале восьмидесятых годов, столицу Советского Союза превратили в проходной двор, в помойку, почему себя здесь вольготно чувствуют фарцовщики, проститутки, спекулянты, воруны всех мастей и прочие отбросы общества, а преступность растет как на дрожжах, хотя об этом газета «Правда» не пишет.

Московская партийная номенклатура погрязла в роскоши, взятках, воровстве, а прижать их некому, потому что на Старой площади в ЦК партии тоже бардак и развал. Об оргиях, которые устраивает Галина Брежнева со своими любовниками, слышали все, но ее папаше ни слова, боятся испортить настроение. Впрочем, задавать неудобные вопросы нужно не Моссовету или городским партийцам, а людям, которые сидят выше, гораздо выше. Деев только проворчал:

– Да, сейчас все грамотные.

– Короче, нижних жильцов отселили. А заодно уж и остальных. Сейчас в подъезде всего три жилые квартиры.

– Ладно, теперь к делу... Итак, дней через десять, как ты знаешь, в Москву вернется из командировки наш агент-нелегал Алексей Разин, который долгое время работал в Нью-Йорке. Ваша задача – проверить все его контакты. Людей, с которыми он будет общаться. Официально после командировки Разин будет находиться в кадровом резерве первого главного управления, что-то вроде отпуска за казенный счет. Жить он будет на старом месте, в квартире бывшего тестя, генерала. Три комнаты и вид на Москва реку. Старик давно устроился на зимней даче. Но ты ведь уже в курсе?

– Да, без дела не сидел.

– В Нью-Йорке Разин занимался делами настолько секретными, что круг посвященных очень узкий. Детали его работы тебе ни к чему. Но я открою самую суть. Через Разина проходили большие деньги, которые шли на наши оперативные нужды.

Деев взял передышку, выкурил сигарету и продолжил.

– Когда человек долго работает с большими деньгами, возникает много соблазнов, которым трудно противостоять. В минуту слабости человек может забыть о принципах, о долге, о своих товарищах чекистах, обо всем, что дорого и свято. Хочется набить портфель деньгами, сменить документы. Взять билет в Непал или еще дальше. И навсегда исчезнуть. Мы можем предположить, что нашего героя одолели соблазны. В декабре он пропал неизвестно куда, отсутствовал около трех недель. Где был, чем занимался, мы до сих пор знаем только с его слов. Разин утверждает, что был ранен и, кроме того, сильно простыл. Так простыл, что едва не умер. Он отлеживался на съемной квартире. Об этой квартире мы в Москве раньше ничего не знали. Он сказал, что снял жилье год назад. Что любопытно, на руках имел миллион долларов наличными. Со стороны впечатление такое, будто он хотел бежать. И там, на съемной квартире, кого-то ждал, но не дождался. В конце концов, он еще и еще раз все обдумывал и решил не делать глупостей. Вернуться.

– Что это было за ранение?

– В плечо, поверхностное. В день исчезновения Разин должен был передать деньги неким бизнесменам. Эти люди к разведке отношения не имеют. Но все закончилось стрельбой... История мутная. Когда Разин вернется, он даст показания, еще раз подробно все разъяснит. По его версии, на встрече возник конфликт, завязалась перестрелка. Скажу больше, два наших агента были убиты. Разин ушел раненым. Возможно, он слишком испугался. Испуг спровоцировал желание все бросить и бежать. Но позже одумался. Он подозревал, что в случае побега

его будут искать и, возможно, найдут. По странному совпадению в Москве примерно в это время была убита жена Разина. Татьяна Федоровна работала переводчицей в издательстве. Сотрудничала с толстыми журналами. Милиция этим занимается...

– Я так понимаю, у вас нет уверенности, что Разин ведет честную игру. И вы хотите выяснить, так это или нет? Вы планируете интервью с Разиным, долгие разговоры, беседы. Вы хотите узнать, он свой или... А моя оперативная группа должна присматривать за ним. С кем встречается, куда ходит и так далее. Я правильно понимаю?

– Правильно. Если бы Разин был обычным нелегалом, мы бы просто отправили его на запасные пути, в резерв. А из резерва в действующие оперативники уже не возвращаются. Но он по-прежнему нам нужен. Пока заменить его нечем. Мы хотели бы проверить Разина и, если наши сомнения не подтвердятся, отправить его обратно, за океан. Таков план.

– Вы хотите ускорить проверку?

– Вот именно. К его возвращению в квартире будет установлена прослушивающая аппаратура. Записи всех разговоров будут поступать не в седьмое управление, как обычно, а сразу к вам. Плюс вся информация о том, где был Разин и что делал. Но на слежку и прослушку я бы особо не надеялся. Эти вещи редко дают результат. Разин сам кому хочешь покажет класс. Тем более в Москве, в этом океане народа...

Орлов улыбнулся:

– Боюсь, эта возня надолго затянется.

– Может быть. Но не забывай, что Разин пережил смерть любимой жены. Кроме того, он был ранен, болел. В таком состоянии человек, даже профессионал, не может себя полностью контролировать, допускает ошибки, ведет себя глупо. Ставлю рубль к сотне, что по приезде Разин с горя начнет выпивать. Это успокаивает на время, а потом только хуже. До меня дошли слухи, что его покойная жена за время разлуки наделала уйму долгов. Разин будет мучиться вопросом: почему она так много задолжала, не сказав ему ни слова? С какой целью она брала эти деньги? Разин приличный человек, он захочет вернуть долги. Придется как-то выкручиваться... Кроме того, по моим данным, у Татьяны был любовник. Разин отдохнет с дороги, придет в себя и наткнется на разные мелочи, которые заставят его усомниться в верности супруги. Вопросы есть?

– Как идет расследование? Милиция далеко продвинулась?

– Пока преступник или преступники на свободе. Милиция работает или делает вид, что работает, но результатов маловато. Возглавляет следствие майор ГУВД Москвы Феликс Судяков. Детали можешь узнать у него. По горячим следам милиционеры нашли некоего Евгения Столярова, тридцать семь лет. Рецидивист, две судимости за кражи, изнасилование и разбой. Вышел по УДО год назад, проживал у подруги в Мытищах, нигде не работал. Его, в стельку пьяного, задержали неподалеку от того места, где нашли труп. Ну, канителились с ним неделю и отпустили. Других кандидатов не было и нет.

Орлов, сложил в папку бумаги, завязал тесемку. Деев в задумчивости потер ладонью подбородок и спросил:

– Ну, Виктор, твое мнение об этом парне, о Разине? Без бюрократии.

– Я мало знаю. Вообще-то мне его жалко. После случившегося Разин морально сломлен. Ну, после таких ударов вообще-то трудно на ноги подняться. Когда он сможет сбросить с души это бремя, и сможет ли вообще, – кто знает. Думаю, что с профессиональной точки зрения он ценности уже не представляет. Во-первых, Разин раздавлен семейной драмой. Во-вторых, он уже не молод, сорок два. В-третьих, в Нью-Йорке он засветился. Не мог не засветиться, ну, судя по тому, что мне известно. Мог оказаться на прицеле ФБР. После этого использовать Разина за границей – опасно. Мне кажется, он отработанный материал...

Деев возразил:

– На его стороне опыт, знание жизни и быта в Соединенных Штатах. Он выше среднего роста, темный шатен с голубыми глазами. Приятное лицо, располагающая внешность, легко находит контакт с людьми. Небольшой акцент. Его принимают за американца, который некоторое время жил за границей.

– Простите, но для оперативной работы нужны другие люди, крепче. Он запустил себя, он в плохой физической форме. Ко всем проблемам еще и выпивает. Хочет найти в водке спасение, хотя хорошо знает, что это путь в обратном направлении.

– Ну, что, он один на весь Нью-Йорк выпивает?

– Нет, но все-таки...

– Но засветился он или нет, мы не знаем, – сказал Деев. – Да, было полицейское расследование, но наш герой там не упомянут. Свидетелей нет. В его дом не приходили с обыском, жену не допрашивали. В день перестрелки видеокamеры в подвале офисного центра были отключены. В конторе людей много. Все образованные, языки знают. Но когда надо найти человека, который что-то умеет, настоящего специалиста, – выбор оказывается весьма скудным. Начальство не против Разина... Но всем нужны гарантии.

– Мне сунули папку с его файлами, – сказал Орлов. – Там буквально через слово все вычеркнуто черными маркерами. Я даже представления не имею, что он годами делал в Нью-Йорке, какие задания выполнял.

– Витя, ты знаешь, как я к тебе отношусь, – сказал Деев. – В свое время ты мне жизнь спас. И до конца дней буду помнить добро. Но сейчас могу дать только самую скудную информацию. Какие он выполнял задания, сказать не могу. Да и это тебе и не нужно. Скажу только, что он занимался серьезными делами. Одна особенность: Разин всегда имел при себе крупные суммы наличных. Это не его деньги, а наши, комитетские. В центре им были довольны. Загляни в свой файл и еще раз посмотри, сколько у него наград. В том числе орденов, которые, как правило, дают офицерам на войне, за особые заслуги, за успешные боевые операции. Для тебя он останется человеком, который занимался нелегальной работой в США. И все... Без лишней лирики.

– А каков от в быту? – спросил Орлов.

– В быту он не самый продвинутый. А наш быт, советский, может доконать любого, самого крепкого человека. А у Разина ремонт на даче, там проблемы с фундаментом. Надо заботиться о самом себе, доставать продукты, стоять в очередях, что-то готовить, стирать. Тут все понятно... Курировать операцию будет полковник Колодный, ты его хорошо знаешь. Ну, вот и все, пожалуй.

Деев посмотрел на часы и поднялся.

Глава 9

На исходе февраля Алексей Разин добрался до Москвы, это был сложный и долгий путь. Дорога началась в Пенсильвании, дальше машиной через границу, до канадского Торонто, затем перелет в Европу, сначала был Париж, после Варшава и Москва. В Шереметьево его встретили сослуживцы, довели до дома. Около подъезда стояла темная волга Комитета госбезопасности, рядом топтался полковник Иван Андреевич Колодный.

Самолет опоздал почти на полтора часа, ждать пришлось долго, но Колодный выглядел свежим. Когда Разин вышел из микроавтобуса, полковник быстро зашагал навстречу, остановился, поставил на асфальт темный портфельчик, обнял двумя руками за плечи и поцеловал в щеку. Потом отступил на пару шагов, вытащил платок и вытер глаза. Сказал, что Разин неплохо выглядит, словно из санатория, даже помолодел. Сослуживцы и Колодный поднялась на восьмой этаж сталинского дома.

Вошли в квартиру, пропахшую табачным дымом и чужими духами или одеколоном, терпким, с ароматом сандалового дерева. Комнаты темноватые, две просторные, одна маленькая, кухня небольшая и вытянутая, зато из окна гостиной видно Москва-реку и Киевский мост. На окнах тяжелые пыльные занавески. В квартире появились какие-то предметы, мелочи, которых Разин никогда раньше не видел, или забыл, будто не переступал этот порог долгие годы.

Скинули пальто и плащи, все почему-то были смущены, говорили тихо, будто боялись разбудить больного или ребенка, да и о чем тут говорить, – человек хотел вернуться к жене, в семью, а не в пустые стены. Задавать вопросы не полагается, да и незачем. Стали торопиться скорее выставить из сумок продукты, уже нарезанную колбасу, соленые огурцы, квашенную капусту, готовый салат и водку. Кухонный стол был длинным и широким, расселись.

Выпили за возвращение, за дружбу, за Таню, чтоб земля ей пухом. Кто-то из сослуживцев заметил, что квартира прекрасная, Разин тут неплохо отдохнет, хотел еще что-то сказать, но остановился, решив, что уже сказал лишнее. Разин зачем-то пустился в долгие объяснения, которых от него не ждали, сказал, что квартира не его, а тестя, отставного генерал-майора, последние десять лет служившего в Генштабе. Разин с женой, теперь уже покойной, переехали сюда семь лет назад, а тесть к ним в Тушино, но вообще-то он почти весь год живет на даче.

Налили еще по стопке. Тут поднялся Колодный и сказал, что ему надо уходить, но напоследок он хочет коротко переговорить с Разиным. Они зашли в спальню, начальник сказал, что надо держаться, – будет тяжело, но со временем боль утраты пройдет, немного помялся и добавил:

– Ты вот что... Твой рапорт, составленный еще в Канаде, мы получили по дипломатической почте. Там у тебя, кажется, страниц восемь. Значит, надо подробнее описать последние дни и недели в Нью-Йорке. И то, с чего началось, – эту заваруху в гараже. Буквально по минутам. Ты все помнишь? И хорошо... Дело привычное. Желательно, послезавтра к вечеру. Успеешь? И хорошо... Как только закончишь, звони. Пришлют человека.

Колодный улыбнулся, похлопал его по плечу, сказал, что Разин до ста лет дотянет, если сумел выбраться живым из такой заварухи и отделаться царапиной. Разин равнодушно кивнул, мол, мне очень жаль, что не меня убили там, в этой помойке. Даже как-то неловко, неудобно, что выжил.

– Закончишь с писаниной, можно будет выспаться и отдохнуть, – ободрил Колодный. – Тебя не будут донимать неделю. А в понедельник, возможно, встретимся в Ясенево. В тот же день, видимо, будет первый разговор с руководством, надо подготовиться. Много вопросов накопилось.

Колодный сел на кровать и сказал, что в жизни есть и приятные моменты, – копились не только вопросы, но и деньги, тут зарплата, премиальные, командировочные, еще кое-что

на карманные расходы, – всего пять тысяч с копейками. С таким деньгами можно завтра же прийти в профком и записаться на новые «жигули», Разина из уважения пустят без очереди. Полковник надел очки, достал из портфельчика два пакета, один, очевидно, с вопросами к Разину, на которые надо ответить в течении суток, другой пакет был с деньгами, – и попросил расписаться в четырех ведомостях. Он потряс руку Разина и ушел, посоветовав долго не засиживаться, но все уже и так собрались на выход.

Оставшись один, Разин принял душ, лег в кровать и спросил себя, что такое дружба. Наверное, это некий вид материи, еще не открытый учеными. А что она делает с человеком, помогает ему жить или наоборот, укорачивает жизнь? Он заснул, так и не разобравшись в этом вопросе. Проснулся под утро, посмотрел на наручные часы и с трудом понял, что проспал полутора суток.

* * *

В первый же свободный день Разин съездил на могилу жены, это было старое кладбище, окруженное коробками новых домов. Он прошел по асфальтовой дорожке вдоль колумбария. Вокруг никого, накрапывал дождик, снег потемнел. Он остановился на дорожке, до могилы оставалось шагов пятнадцать, заправил джинсы в резиновые сапоги, прошел вперед. Здесь же была похоронена мать Татьяны, из снега выглядывала небольшая мраморная доска с ее именем и фотографией, железная загородка в пятнах ржавчины стояла косо. Земля не осела, венки давно убрали, снег покрыл грязь. Он зашел за ограду, положил букетик цветов.

Постоял, достал из сумки недопитую бутылку водки и граненый стакан. Налил и выпил, закусил куском черного хлеба с солью. Постоял еще немного, допил то, что оставалось, и пошел обратно. Еще неделю назад, представляя будущий поход на кладбище, он был уверен, что на могиле скажет несколько слов, умных и важных для себя и Татьяны, но все слова исчезли. Хорошо, что есть этот участок на старом кладбище, иначе Таня лежала бы где-нибудь на огромном перекопанном пустыре далеко за городом.

* * *

Следующим утром позвонил мужчина с дребезжащим голосом, представился именем и фамилией, которые невозможно запомнить, но разрешил, чтобы не напрягать голову, звать его просто Фимой. Есть разговор, очень важный и срочный, лучше всего переговорить дома у Разина часа через полтора, тот сказал «приезжайте», положил трубку и вспомнил, что не назвал адреса. Через полтора часа в дверь позвонили, появился человек с портфелем в черном пальто, с длинными пегими волосами. Он снял обувь и прошел в кухню так уверенно, будто бывал здесь уже раз сто и все хорошо знал.

Он сказал, что познакомился с покойной Татьяной Федоровной через общую знакомую Наталью Ивановну, преподавательницу английского, еще пару месяцев назад. Эта учительница позвонила ему и сказала, что ее лучшей подруге срочно нужны две с половиной тысячи рублей. Фима не хотел связываться с этим делом, он занятой человек, но Наталья стояла на коленях, она дала поручительство, он нашел деньги, вот как было. Прямо здесь, на этом месте, на этой кухне, он передал все до копейки Татьяне Федоровне, увы, покойной. Фима вытащил паспорт и показал Разину. Сказал, чтобы не было и намек на обман, они сначала посетят юридическую контору, у тамошнего нотариуса оформляли все бумаги, это тут, совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.